

ЛАВКА С ДУРНОЙ РЕПУТАЦИЕЙ

Алиса Морина

Алиса Мори́на

**Ривенхольд #1. Лавка
с дурной репутацией**

«Автор»

2026

Морина А.

Ривенхольд #1. Лавка с дурной репутацией / А. Морина —
«Автор», 2026

Аделин Вандерхольт приехала в Ривенхольд за наследством. Получила лавку с долгом в сорок тысяч, подвал с раскалённым механизмом и Смотрителя на пороге — с приказом опечатать всё к утру. Смотритель не опечатал. Оставил зажигалку на прилавке и ушёл. Теперь Аделин знает: лавка — не развалина, а Сердце городской сети. И кто-то очень хочет его остановить. В городе, где Скверна пожирает кварталы, голем помнит больше положенного, а Смотритель знает о наследстве слишком много, выжить можно. Починить тоже. Главное — не сломаться первой.

© Морина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Наследство с осадком	5
Глава 2. Резонанс	9
Глава 3. Слепая зона	13
Глава 4. Осадное положение	16
Глава 5. Механическая память	20
Глава 6. Прямое подчинение	23
Глава 7. Белая кость	27
Глава 8. Кровь и медь	31
Глава 9. Тариф «Вечность»	34
Глава 10. Магистратский покер	37
Глава 11. Дом, который умеет ждать	41
Глава 12. Контракт на доверие	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Алиса Морина

Ривенхольд #1. Лавка с дурной репутацией

Глава 1. Наследство с осадком

Ривенхольд встретил меня дождём в лицо, едва я сошла с поезда. Вода пошла за шиворот, а застегнуть пальто было нечем: обе руки держали чемодан.

Сапоги я угробила ещё на третьем квартале. В правом хлюпало при каждом шаге. Столичный диплом с отличием стоил в этом городе примерно столько же, сколько эта подошва.

На Стим-авеню дорогу перегородил бронеход. «Мамонт» стоял поперёк перекрёстка и стравливал пар через боковой клапан.

Я отошла на три шага в сторону, чтобы не стоять в выхлопе, и всё равно заслезилась глаза. На мокрой брусчатке под машиной набралась плёнка, и она была чёрной, не радужной. Такую даёт несгоревший брикет.

Потом из люка выбрался человек в медном респираторе, долго разглядывал меня через окуляры и смерил взглядом чемодан.

— Гражданка, документы на багаж. Четвёртый сектор на карантине, стоки на профилактике. Посторонним здесь делать нечего.

Чемодан тянул руку вниз, пальцы уже немели. Я переставила его на решётку водостока, и он не качнулся: решётка стояла ровно, потому что под ней ничего не текло. Вдоль бордюра при этом набралась вода и не уходила.

Профилактика стоков здесь означала, что сливы закрыли и открывать не собираются.

— У меня предписание от Магистрата. Вступление в права, — я вытащила из кармана помятый лист, прикрывая печать ладонью от капель. — Лавка Офелии Вандер. Тупик Медных Игл.

Офицер подцепил лист стальным захватом. Манипулятор втянулся в борт, внутри машины отработал сканер. Сканер шёл рывками, и лампа в окуляре дважды садилась почти в ноль. Столичную печать эта железка читала по слогам.

Патрульный посмотрел на меня второй раз, и во второй раз ему было интереснее.

— Вандер? — он хохотнул. — Барышня, за этой точкой сорок тысяч эфирного долга. Не считая штрафов за контур. Вы хоть понимаете, что вписались в яму, которую и за два поколения не закопать? Зачем вам этот мусор?

Он сказал «эфирного» так, как в столице говорят «рублёвого».

Свет, тепло, горячая вода, тяга в вытяжке — всё на одном счётчике, и счётчик мотает, даже когда в доме никого. Тётка умерла три года назад. Три года пустой лавки при здешнем тарифе примерно столько и дают.

— Я торчу под дождём уже двадцать минут, офицер, — огрызнулась я, перехватывая ручку чемодана. — Это входит в программу гостеприимства Магистрата или вы так сильно любите поговорить?

Вместо ответа бронеход сбросил под ноги струю отработанного пара. Я отскочила и вытерла лицо рукавом. Рукав остался в жёлтом.

Серу из выхлопа снимает фильтр. Фильтр тут был снят.

— Вали давай. Час. Если через час у тебя счётчик в подвале не дышит, я приду, и мне будет без разницы, что ты там наследница. Запечатая вместе с тобой, потом разберёмся.

Люк за ним захлопнулся. Гусеницы тронулись, «Мамонт» ушёл с перекрёстка.

Я пошла, потом побежала. В голове застряло одно число. Сорок тысяч единиц, и это ещё без штрафов, а пеню они насчитают наверняка. В столице за такие деньги ставят лабораторию

под ключ. Здесь на эти деньги приходился переулочек с полуживыми фонарями и бодяжный эфир в колбах.

До четвёртого дома я дошла на злости. Он стоял в самом конце, куда свет уже не добивал. Встречный мужик с тачкой увидел номер и развернулся. Колесо он придержал рукой, чтобы не стучало.

Дом был тёмный и весь в меди. Я провела ладонью по стене и насчитала три слоя навески. Верхние два шли как положено, а нижний уходил в землю мимо счётного узла.

Внешний отвод. Такие ставят на мастерскую, которая боится, что её отрежут.

Вывеска висела на одном гвозде. Патина съела половину букв, и надпись я разобрала с третьей попытки: «Лавка Офелии Вандер. Эфирные редкости и немного надежды». Тётка на вывесках всегда резала фамилию пополам и объясняла это тем, что длинные имена плохо смотрятся на меди.

«И немного надежды». Тётя, ты даже на вывеске умудрялась шутить.

Ручка была липкая, и я вытерла пальцы о юбку. Ключ вошёл в замок со второй попытки, а по пальцам мазнуло короткой щекоткой.

Я отпустила ключ и тронула язычок ногтем. Щёлкнуло второй раз, слабее. Замок стоял под током, и ток на него кто-то подавал все эти три года.

Дверь я толкнула и толкнула ещё раз, уже нарочно, медленно. Петли прошли весь ход молча. Я потёрла палец о нижнюю петлю и растёрла: масло свежее, не загустевшее.

В доме, который стоит запертым, петли так не смазывают.

Внутри держалась пыль и что-то приторно-сладкое. Имбирь? Откуда здесь имбирь? Я сняла с полки ближайшую колбу и вынула пробку. Под пробкой лежала жёлтая крошка, а сам состав был чистый.

Имбирём пересыпают то, что везут мимо описи. Он забивает гарь.

Я щёлкнула фонарём. Луч прошёл по рядам бутылей на полках, и пустот на них не было ни одной.

И я была здесь не одна.

В глубоком кресле у камина сидел мужчина. Тёмное пальто, белая рубашка с расстёгнутым воротником, серые глаза. От его взгляда мне сразу захотелось проверить, заперла ли я дверь.

Он держал маленькую механическую мышь и разглядывал её внимательно, почти бережно. Стоило мне шагнуть, и мышь ушла к нему в карман.

— Баронесса Вандерхольт? Поздно. Я ждал вас к шести. В нашем секторе ценят пунктуальность.

— А я не знала, что за вход в этот склеп полагается аудиенция. Вы грабитель с хорошими манерами или решили, что моё кресло удобнее вашего?

Мужчина поднялся. Высокий и нескладный, он нависал надо мной так, что у меня затекла шея. В руке у него была фуражка с серебряным шевроном Смотрителя, а в Ривенхольде эта жестянка весила больше любого титула.

— Илар. Смотритель четвёртого сектора. Аделин Вандерхольт, если верить предписанию. Твоя лавка из сети столько энергии выкачала — замок осветить можно. На счету сейчас сорок две тысячи сто восемь единиц. Это я ещё пеню за три года простоя не накидывал.

Между «ждал вас» и «твоя лавка» прошло полминуты и одно слово: Смотритель. Меня понизили в звании, не повышая голоса.

Я с размаху поставила чемодан на пол и стукнула костяшкой по трубе, что шла вдоль плинтуса. Труба ответила низко и долго.

Пустая отзывается коротко. Эта была полная, под давлением, в доме, за который три года никто не платил.

— Офелия Вандер была мастером высшей категории. У таких объектов есть льготный период на консервацию оборудования.

Он посмотрел на меня иначе, внимательнее, чем секунду назад. Проверял, то ли я сказала, что должна была сказать.

— Льготы сгорели вместе с хозяйкой. — Илар подошёл ближе. — Дом тянул эфир из сетей, чтобы просто не рассыпаться в труху. Грелся за счёт города. Теперь Магистрат хочет свои деньги назад. Или само здание. Сейчас.

Он потянулся ко мне, и пальцы в чёрной коже тронули мокрый воротник. Между его рукой и тканью щёлкнуло, и ярко-синяя искра на секунду выбила из головы все мысли.

Синяя, с треском. На сухом воздухе разряд идёт белым и беззвучным. Я отступила на шаг, и на втором шаге щёлкнуло снова, слабее, уже без него. Фон стоял по всей комнате.

Он мерил дом, а мой воротник просто оказался ближе.

— Мокрый воротник. И слишком упрямый взгляд, — он чуть прищурился. — По регламенту я должен опечатать лавку немедленно. Есть чем платить? Хотя бы для первого взноса.

В кошельке у меня лежали три золотые монеты. Положение было дрянное.

Три монеты против сорока двух тысяч. Примерно как затыкать пробойну носовым платком.

— У меня есть патент алхимика и это здание. Дайте мне три дня. Я разберусь с оборудованием, запущу систему и начну гасить долг. Вы ведь не вышвырнете на улицу девицу с хлюпающим сапогом? Это испортит вашу ведомость.

Илар усмехнулся. Служебного в этой усмешке было мало, а лицо от неё стало жёстче и опаснее.

— Три дня. — Он натянул перчатку. — Патрульный обещал вернуться через час и опечатать лавку вместе с тобой. Он не вернётся: в четвёртом секторе сроки назначаю я. Три дня. Мне любопытно, чего стоит столичный патент в Тупике Медных Игл. Посмотрим, как ты будешь выкручиваться. Это тебе не по чистым мостовым гулять.

Он надел фуражку и пошёл к выходу. Дверь открылась перед ним сама.

На прилавке осталась серебряная зажигалка с ястребом. Что-то ещё упало на доски у верстака, но я тогда не обернулась: решила, что это очередная железка из его карманов.

— Оставил повод вернуться, — пробормотала я, накрывая металл ладонью. Он ещё хранил тепло. — Самоуверенный гад.

Медная вешалка у двери шевельнулась и пододвинулась на пару дюймов. Подставила плечо.

Вешалкой она не была.

Пыльный чехол съехал, и под ним оказалось плечо в клёпанных пластинах, а то, что я приняла за крючки, — сложенные манипуляторы, по три латунных пальца, прижатых к предплечью. Ростом он доставал мне до груди и стоял на низком гусеничном ходу. Сверху, за мутным стеклом, тускло тлели два окуляра.

Я толкнула его обратно. Он вернулся на место сам, ровно, без рывка, и остановился там, где стоял. Ход был на подшипнике.

На коже стояло клеймо мастерской, а поверх клейма кто-то вывел белой краской от руки: БРНД-4. Почерк был тёткин, я его знала по подписи на патенте.

— Спасибо... Бернارد? — я неуверенно повесила мокрый плащ ему на манипулятор.

Тянуть было нельзя. Я нацепила окуляр и щёлкнула тумблером. Линзы настроились, и вместо полка я увидела паутину силовых линий, прошивающих воздух.

Линии шли не от ввода. Они сходились вниз, под пол, в одну точку в дальнем углу, и оттуда расходились обратно по всему дому.

На прилавке стрелка манометра согнулась дугой и упиралась в стекло.

Я открыла тяжёлую дверь в подвал, и оттуда дохнуло горячим. Внизу было теплее, чем в лавке, градусов на десять.

Фонарь выхватил медное брюхо котла. От меди шёл жар, как от печи, к которой подошли слишком близко, и пахло разогретым металлом и сладким.

Эфир гнали через перегретый контур, и не первую неделю. Ещё немного, и медь потечёт. Манометр на боку дрожал в красной зоне. Восемьсот единиц при норме в двести.

Я обошла котёл кругом, проверяя стыки тыльной стороной пальцев. На третьем муфта была тёплой, на остальных холодная. Оттуда и тянуло.

Отопление превратилось в бомбу, и бомба эта копилась не первый день.

Я стащила с верстака тяжёлый ключ, нашла вентиль и навалилась всем весом. Металл не сдвинулся.

Рукоять поехала в мокрой ладони. Я перехватила, вытерла руку о бедро и повисла на ключе всем телом, и он всё равно не пошёл.

— Давай же, проклятая железка! — я рванула ключ вверх, упираясь сапогом в основание бака.

Резьба пошла с рывком, насухо, с визгом, от которого свело челюсть. Вентиль поддался.

Из-под фланца ударила струя синего пара и заволокла подвал до колена. На языке стало солоно раньше, чем я успела отвернуться.

Я подставила ладонь и тут же отдернула: на коже осталась солёная плёнка.

Чистый эфир идёт бесцветным и не оставляет следа. Тётка сидела на разбавленном, и не первый год.

Стрелка поползла вниз. Семьсот девяносто, семьсот восемьдесят. Вибрация под ногами улеглась.

Я села на холодный пол у стены. Камень тянул холодом через юбку, сверху ещё держалось тепло от котла, и между этим я и сидела.

Руки мелко тряслись, под ногтями чернела техническая смазка.

В углу подвала что-то упало, металл о камень. Из-под старого верстака выкатилась та самая механическая мышь Илара и замерла у моих ног.

Я подняла её и поднесла к уху. Ход был ровный и не замедлялся. Завода такого хватает на сутки, не больше. Значит, завели её сегодня, и сегодня же она оказалась в этом подвале.

Диагностический прибор. Хвостик мелко вибрировал и указывал прямо на глухую кирпичную кладку в дальнем конце подвала — туда же, куда сходились линии в окуляре.

— Три дня. Кажется, долги — это вообще не проблема по сравнению с тем, что ты тут прячешь, тётя.

За кирпичами ударило, и через равный промежуток ударило снова. Четыре удара, и ни один не лёг на мой пульс. Ритм был не мой и не сбивался.

Я прижала ладонь к стене, и кирпич потеплел под пальцами. Труба тут не проходила, я помнила схему.

Там, в темноте, ворочалось ещё одно сердце. И этому сердцу я, кажется, была нужна больше, чем думала.

Глава 2. Резонанс

Я заснула прямо на полу у прилавка и не помню, когда поднялась из подвала. Проснулась от того, что Бернард шевельнулся. Шея затекла, окуляр впечатался в лоб.

Я села и прислушалась. Дождь снаружи кончился, и без него стало слышно всё остальное: газ в старых трубках шёл с присвистом, а под половицами держался ровный низкий тон.

Я присела и прижалась к доскам ухом, считая до двадцати. Тон не сбился ни разу. Внизу работало то, что никто не выключал, и останавливаться оно не собиралось.

Мышь я всё это время держала в кулаке и разжала пальцы с трудом. Рядом на прилавке лежала зажигалка Илара, массивный кусок серебра.

Я взяла зажигалку и взвесила на ладони. Тяжёлая, грамм двести. Столько серебра в Тупике Медных Игл не носят.

Илар. Смотритель. Ему-то что — закроет лавку, вычеркнет долг и пойдёт пить свой дорогой кофе. Ему нужно, чтобы колонки в его ведомостях сошлись.

Я щёлкнула крышкой. Кремень дал искру с первого раза, фитиль был сухой. Зажигалкой пользовались вчера или позавчера, а бросили её так, чтобы я нашла.

Пять лет зубрила теорию, чертила графики, а теперь стою в мазуте и считаю, сколько весит чужое серебро. Если до завтра ничего не исправлю, Бернарда пустят на лом, а меня выкинут на улицу.

Я положила мышь на прилавок, рядом с зажигалкой. Две его вещи. Как маяки.

На кухне было тесно и всё заставлено медью. Плитка вся в паутине трещин. Конфорка заурчала сразу, стоило к ней прикоснуться, и я убрала руку, чтобы проверить. Она держала пламя без подачи.

Газ тут ни при чём. Конфорку кормил контур, и контур этот был под нагрузкой.

Пока чайник грелся, я взяла зажигалку и повернула к свету. Ястреб на гравировке был выбит глубоко, в три захода, а не проштампован. Такие делают под заказ и не забывают на чужих прилавках.

Шея под воротником всё ещё горела. Статика или он просто... такой. Бесит. Сама хороша: развесила уши, пока он тут хозяином расхаживал.

Чай вышел дрянной, ржавчина и ржавчина. Зато горячий, за это прощаю.

Я отставила кружку и снова взяла мышь. Она вибрировала мелко и часто, и от этого ломило зубы. Я положила её на стол и отошла на шаг. Вибрация ослабла. Вернула на ладонь — усилилась.

Такое я видела в университете: артефакт рядом с запертой энергией начинает колотить, и чем ближе, тем сильнее. Я прошла с ней вдоль стены до лестницы в подвал, и на верхней ступеньке она забилась так, что я едва удержала.

Внизу было что-то серьёзное. И кто-то это серьёзное очень аккуратно прятал, пока лавка стояла заколоченной.

Я полезла вниз. Ступеньки под ногами прогибались, железо старое, всё в ржавчине.

Манометр показывал пятьсот. Вчера было восемьсот, значит, сброс держится и контур добирал медленно. Я постучала ногтем по стеклу, и стрелка не дрогнула: прикипела, показывает с запаздыванием. Настоящее давление было выше.

Мышь тянула в угол, к той самой кладке. Я пошла за ней.

Нацепила окуляр и крутанула настройку. За кирпичами лежала сеть из трубок и кабелей, и она качала силу от котла прямо в камни фундамента.

Я провела рукой по стене от кладки до котла и обратно, глядя в линзу. Линии шли в обе стороны. Дом не потреблял, дом работал накопителем. Офелия превратила всё здание в батарею.

Первый кирпич не поддался. Раствор влезся намертво, я сорвала ноготь и выругалась вслух, всё равно тут кроме котла никто не слушает.

Когда кирпич вылетел, я посветила в проём. Внутри всё было зашито матовым серым железом. Я поднесла окуляр вплотную: фон за железом не читался вовсе, линза показывала пустоту.

«Мёртвый» сплав. Он гасит любой след, поэтому снаружи никто и не учуял, что Офелия тут наворотила.

Я выбила ещё пару кирпичей и засунула руку. Сейф. Гладкий, холодный.

Я обошла дверцу пальцами по всему периметру. Скважины не было. Ручки не было. Была одна змейка на дверце, литая, и под ней шов толщиной в волос.

Я постучала по дверце костяшкой в трёх местах. Везде отозвалось одинаково глухо. Полость за ней была маленькая, на один предмет.

— Резонансный замок, — я вытерла лоб рукавом и размазала сажу по щеке. — Ладно. Тебе не нужен ключ, Аделин. Тебе нужен ритм.

Мышь я сунула в карман, руки нужны были свободные.

Приложила ладонь к металлу. Сначала ничего. Я закрыла глаза и стала подбирать под ту ноту, на которой гудел котёл за спиной.

Пальцы уже сводило, когда вибрация в стене пошла в такт с моим пульсом. Я считала: раз, два. На третьем внутри щёлкнуло, и дверца отъехала в сторону. Из щели потянуло сухим и горьким, как из старого платяного шкафа.

Внутри лежал тубус, кожаный, запечатанный тёмным сургучом.

Я поднесла его к фонарю и повернула. Сургуч был цел, а оттиск на нём стоял не магистратский: змейка, та же, что на дверце.

Кожа пахла полынью, и пахла насквозь, будто тубус пролежал в ней не один год.

Стоило вытянуть тубус, как мышь в кармане завопила на одной ноте и раскалилась. Ткань сюртука задымилась, бедро обожгло, и я едва не выронила находку.

— Да чтоб тебя!

Окуляр всё ещё висел на лице, и в подвал ворвался поток серого шума.

— Берни! — заорала я в потолок. — Дверь!

Сверху не ответили.

Наверху кто-то грубо, по-живому взломал защиту. Сигнализацию выжгли.

Я запихнула тубус под одежду. Кожа была горячая от мыши и липла к рубашке.

Кирпичи я совала обратно как попало, лишь бы закрыть дыру. Раствор крошился и сыпался за воротник, пальцы были в нём по вторую фалангу, под ногтями набилась серая грязь.

Плевать.

Наверху грохнуло. Пол подпрыгнул, по трубам прошёл скрежет. Дверь вынесли.

Я рванула наверх. Молоток под прилавок, тубус глубже за пазуху. Не успела.

Дверь вынесло внутрь, Бернард завалился набок, из него посыпались шестерёнки и покатились по полу. Трое. Тряпки на мордах, воняет дёгтем, лиц не разобрать. У одного в руке резак. Пламя шло синим до самого кончика конуса. Таким режут медь, а не замки, и берут его те, кому надо жечь.

— Баронесса, — голос у лидера был сиплый, прокуренный. — Мы знаем, что старуха оставила чертежи. Отдавай по-хорошему. Нам плевать, что тут останется от твоей лавки, когда мы закончим.

«Медные крысы». Я про таких слышала ещё в университете. Они не грабят, они копируют: им нужны чертежи, коды и всё, что можно продать тем, кто вскрывает городскую сеть.

— В моём багаже кроме реактивов ничего нет, — я постаралась, чтобы голос не дрожал. — Патруль всё проверил. Уходите.

— Патруль ищет контрабанду, а мы ищем дело, — плечистый сделал шаг вперёд. Резак в его руке свистнул, и от прилавка полетели щепки. — Офелия Вандер умела обходить магистраль. Нам нужны её записи. Живо.

Бернард за моей спиной дёрнулся. Клешня прочертила борозду по полу: махина пыталась встать между мной и этим мужиком.

Тот вскинул резак и направил пламя на вешалку. Второй ткнул горелкой в плечо Бернарда, и с металла посыпались искры. Шерстяной плащ занялся сразу.

— Ещё раз эта железка шевельнётся — и я её в лужу бронзы превращу, — рявкнул он. — Бумаги где?

Я опустила руку на прилавок и нащупала серебро зажигалки. И тут в кармане коротнуло.

Мышь забилась и стала выстреливать резкими сухими импульсами. Это был аварийный вызов, вшитый прямо в железо, и мышь давала его на всю пружину.

Плечистый замер и повёл головой. Бутылки на полках задрожали, и я отступила за угол прилавка: на такой частоте стекло идёт первым.

Он головой водил, а не глазами. Вибрацию он ловил через пол: под тряпкой у него был костяной резонатор. Такие носят те, кто работает в коллекторах.

— Слышите? Что это за хрень?

Я не моргала. Руки перестали трястись, и считать я тоже перестала. Так, наверное, тонут, когда перестают бояться воды.

— Это звук вашего времени. Оно вышло. Вы же знаете, как быстро Смотритель реагирует, когда трогают его личные вещи? Вы сейчас стоите прямо на его метке.

Где-то в конце Тупика завывала сирена «Мамонта». Крыс как током ударило: Илар не станет разбираться, кто прав, он зачистит сектор под ноль вместе с ними.

— Уходим! — рявкнул лидер, пятясь к выходу. — Она нас подставила! Сирена Илара!

Они исчезли в тумане за секунды. Осталась гарь от резакон и дверь, торчащая набок с вырванной петлёй.

Я стояла, вцепившись в прилавок. Попробовала шагнуть — колени не держали. Села на пол и запихнула тубус под сюртук поглубже.

Сирена шла уже совсем рядом.

Снаружи ударило в остатки двери, и я дёрнулась. В проёме стоял Илар. Весь мокрый, пальто нараспашку, на щеке тёмное пятно. Кровь или грязь, я не разобрала. Излучатель в руке.

— Аделин? — голос прозвучал тише обычного, и я невольно выпрямилась.

Я встала и спрятала руки за спину, чтобы он не видел, как они трясутся.

— Быстро вы, — голос сел, но я постаралась выплюнуть это пободрее. — В порту всех разогнали? Или просто за зажигалкой заскочили?

Илар заиграл желваками. Посмотрел на мои руки, на рукава в кирпичной крошке и на грязные ногти. Прошёл в центр зала, ствол опускать и не думает.

— Откуда ты знаешь про порт? — спросил он, и сочувствия в голосе не было.

Я кивнула на разгром, на сломанного Бернарда и на копоть.

— Ваши гости рассказали. Сказали, вы сами там аварию устроили, чтобы патрули отсюда увести. Если это правда, то вы, Илар, не бумажки в Магистрате перекладываете. Вы вляпались в какую-то дрянную историю.

Он молчал. Мышь в кармане долбила сухо и мерно, и он на неё не смотрел. Значит, знал, что она там, и знал, что она делает.

Илар шагнул ближе, почти вплотную.

— Ты нашла тубус, — это не был вопрос.

— Отдай, Аделин. Завтра сюда придут люди, которым проще тебя сжечь, чем разговаривать.

— Нет, — я прижала локоть к боку, чувствуя твёрдую кожу тубуса под рёбрами. — Это моё. И, кажется, это единственный шанс не сдохнуть с голоду в вашем прекрасном городе.

Он усмехнулся, криво и зло.

— Думаешь, разберёшься в этом? Офелия была гением, а ты... Ты для этого дома пока помеха.

Он протянул руку. Я замерла, думала, заберёт силой. Но он взял тубус двумя пальцами за торец и качнул, будто прикидывая вес. Потом отпустил. Глаза у него в полумраке были совсем светлые.

— У тебя есть время до утра. Спрячь это подальше. И руки отмой, баронесса. Ты в этой дряни лазила голыми пальцами.

Он развернулся и ушёл, на обломки двери даже не глянул.

Я дошла до проёма и осмотрела петлю. Её вырвали с мясом, вместе с куском косяка. Такую дверь одна я не навешу.

Сирена оборвалась через минуту после того, как он вышел. До перекрёстка машина за минуту не доедет. Значит, её выключили по приказу, и приказ отдал он, ещё стоя в моём зале.

Я подошла к Бернарду и подобрала с пола шестерёнки. Восемь штук, все с одного узла. Одна была сточена с края, и сточена давно, ещё до сегодняшнего.

Тубус под сюртуком давил так, будто был свинцовый. Весь мой багаж столько не весил.

Глава 3. Слепая зона

Дверь за спиной захлопнулась с тяжёлым чугунным лязгом. Город сразу ударил в лицо ледяным дождём.

Я стянул перчатку и размял кисть. Кончики пальцев покалывало до сих пор.

Разряд, который я снял с мокрого воротника Вандерхольт, был густой. Городская статика бьёт коротко и один раз; этот держался, пока я не убрал руку. Девчонка пробыла за порогом минут десять, а система Офелии отозвалась на неё сразу.

Для мёртвого контура — слишком сразу.

Экипаж стоял в тени доходного дома на соседней улице. Брукс топтался у дверцы, втянув голову в плечи.

— В Управление, господин Старший Смотритель? — он распахнул дверцу, стараясь не смотреть мне в глаза.

Я сел. Внутри пахло старой кожей и угольной пылью.

— В Управление. И немедленно передай на коммутатор: по Тупику Медных Игл заблокировать передачу данных. Официальная причина — калибровка магистрали. Мне нужно, чтобы Счётная палата видела по этому адресу только нули.

Брукс замер с рукой на ручке дверцы.

— Калибровка? Сэр, Фоглер нас за такое с потрохами сожрёт. У него на эту лавку планы ещё с прошлого квартала. Увидит, что мы глушим телеметрию по точке с таким долгом — решит, что вы покрываете контрабанду. Ну или что там под полом запрещённый эфирный движок.

— Фоглер решит то, что я позволю ему решить. Выполняй.

Брукс захлопнул дверцу. Экипаж дёрнулся с места, и меня качнуло назад.

Дорога шла через Нижние кварталы. Я смотрел сквозь залитое дождём стекло.

Двенадцатый год я езжу по этой дороге. Первые года два ещё считал месяцы до перевода, потом бросил: в приказе, которым меня сюда определили, дата окончания не стояла, а подпись под ним разобрать было нельзя. Бумага без срока сама не кончается.

Фонари здесь работали через один. От Кожевенной до поворота горело девять из двадцати трёх. В прошлом месяце горело двенадцать.

У обогревательной станции стояла глухая толпа. Люди жались друг к другу, а кто-то тянул голые руки прямо к решётке теплотрассы, ловя стравливаемый конденсат.

Конденсат стравливают, когда в магистрали избыток. Избыток в квартале, где не хватает на фонари, означает, что забирает его кто-то другой и забирает мимо счётчика.

Они не знали, что в миле от них узел в Тупике Медных Игл берёт вчетверо против нормы. Восемьсот единиц по четвёртому контуру — я снял их час назад со своего регулятора, на подходе к тупику, и никуда не переслал.

Сводку с квартальных регуляторов Счётная палата собирает раз в сутки. Значит, к завтрашнему вечеру эта цифра ляжет на пульт сама.

Дай Фоглеру её увидеть, и он даже вникать не станет. Через полчаса в тупик войдут ликвидаторы в свинцовой защите и зальют здание технической пеной под самый потолок. Эта дрянь выжжет всё оборудование Офелии, проест перекрытия и переварит любого, кто не успеет выйти.

Я ещё при Офелии проверял эту точку. Цифры в отчётах были ровные, ровно такие, какие полагаются старой мастерской на консервации.

Я ходил туда сам, три раза за один месяц, и каждый раз клал ладонь на фасад с северной стороны. Кирпич был тёплый. Весь квартал тогда сидел на урезанном лимите, и у соседей с той же стороны кирпич был ледяной.

Манометр на боковой ветке я снимал дважды в сутки. Он давал скачок с задержкой в четверть часа после каждого пикового часа по городу. Так ведёт себя ветка, с которой давление уходит мимо счётчика.

Я поднял в архиве старые схемы и не нашёл ничего, что объясняло бы утечку. Офелия Вандерхольт либо обошла магистраль, либо спрятала внизу ещё один узел, которого не знали ни геодезисты, ни Счётная палата. Доказать я тогда не смог. Забыть тоже.

А узел был мне нужен целым. Лавка простояла запертой три года, и всё это время её система тянула эфир из городской сети. Ровно, без провалов и без скачков. Брошенное оборудование так себя не ведёт: оно проседает первым же холодом.

Офелия собрала внизу не алхимическую мастерскую. И теперь на этом сидела столичная девчонка с гаечным ключом и ледяной водой в правом сапоге.

Я дал ей три дня не из жалости. Просто посчитал, что так выгоднее. Либо столичного диплома хватит, чтобы сбросить давление и открыть мне доступ к тёткиной схеме, либо контур не выдержит, здание взлетит на воздух и проблема исчезнет сама. В обоих случаях мои люди остаются в стороне, а разнос списывается на старые трубы.

В Управлении стоял привычный сквозняк и гвалт. Надрывались телеграфные аппараты. Дежурный у входа подорвался с места так, что снёс лоток с бланками, но я не замедлил шаг. С пальто на доски капала вода.

За дверью кабинета шум отрезало. Гудели только часы на стене.

На столе, точно по центру, лежала папка из плотной бумаги со свежей сургучной бляхой Счётной палаты. Я тронул сургуч пальцем. Он ещё продавливался.

Фоглер не стал тянуть даже до утра. Папку принесли, пока я стоял в лавке.

Я раскрыл картон. Предписание на отчуждение имущества. Аукционист назначен на первую смену.

Я проверил номер входящего. Он шёл следом за моим рапортом о выезде, с разницей в одну позицию. Значит, бумагу Фоглер начал готовить до моего доклада.

Сорок тысяч долга собирались закрыть железками, пока девчонка не успела собрать бумаги на наследство.

— Сэр? — Брукс сунулся в кабинет, даже не постучав. — Там курьер из Счётной сидит. Требуется подпись на акте опечатывания. Заявил, что никуда не пойдёт без вашей резолюции. Аукционист уже котлы греет.

Я закрыл папку и надавил большим пальцем на центр печати, пока она не хрустнула и не рассыпалась по столешнице бордовыми осколками. Какой-то счетовод из соседнего ведомства всерьёз решил, что может распоряжаться на моей земле.

— Передай курьеру, что на объекте зафиксирована эфирная нестабильность критического уровня, — ровно произнёс я. — Вход на территорию лавки запрещён под угрозой мгновенного распада. Если Фоглер хочет прислать утром аукциониста — пусть присылает. Но я не гарантирую, что тот вернётся из тупика с кожей на костях.

Брукс сглотнул.

— Сэр, они требуют письменного подтверждения. Фоглер поднимет комиссию.

— Я выставлю вокруг лавки кордон из своих людей. Приказ по сектору: стрелять поверх голов любого, кто попытается сорвать карантинные ленты. Никто из Магистрата не сунется к зданию. А теперь иди и заблокируй эту чёртову телеметрию.

Брукс вымелся за дверь.

Я подошёл к окну. За мутным стеклом лежал Ривенхольд, мокрый и весь в трубах.

В нижнем ящике стола лежала старая карта сектора, моя, переправленная вручную. Я сам наносил на неё мёртвые ветки, аварийные клапаны, дома, которые тянут больше положенного, и участки, где сеть ведёт себя как живая.

Я развернул её лицом к тупику. Лавка Вандерхольт была обведена трижды: синим мелом, чернилами и карандашом поверх.

Карандаш я положил в прошлом году, когда свёл вместе четыре своих замера фона, по одному на сезон. Разброс вышел в полделения. У любой другой точки сектора он был втрое больше — фон гуляет с погодой, это норма.

Ровный круглый год фон держит только то, что питается изнутри.

Пять лет назад Офелия увидела эту карту у меня на столе, ткнула ногтем в свой дом и сказала: «Если однажды эта точка заговорит — лучше слушайте внимательно». Тогда я решил, что она издевается.

Отрезав лавку от телеметрии, я нарушил три должностные инструкции: рапорт о калибровке без заявки, кордон без санкции Магистрата и блокировка передачи данных по объекту с открытым взысканием. За каждую по отдельности снимают с должности.

Фоглер теперь вылезет из кожи, выясняя, зачем мне сдался этот кусок кирпича. Но это будет завтра. Этой ночью всё упиралось в одно: успеет ли девчонка найти спуск раньше, чем котёл сорвётся.

Я вытащил из кармана мятую сигарету и похлопал по пальто. И замер.

Серебряного корпуса с ястребом в кармане не было.

Я оставил её там. На прилавке. Бросил, чтобы освободить руку, когда дом попытался заблокировать мне выход.

Я проверил остальные карманы по порядку, все шесть, хотя уже знал ответ. Такие вещи я не терял двенадцать лет.

Сигарету я смял в пальцах, бросил крошево на пол и растёр сапогом.

Глава 4. Осадное положение

В порту стоял синий кисель. Эфирный выброс, густой и едкий. В секторе «С» разнесло центральный распределитель, и грохнуло так, что я оглох секунд на десять.

— Сэр! — Брукс орал мне прямо в ухо, перекрикивая аварийные сирены. — Насосы заклинило! Шпиндели перекосило от температуры! Если не стравим давление в главном контуре, через пять минут всю набережную разнесёт к чертям собачьим!

Я присел у края платформы и осмотрелся.

Ударили в пересменку, когда дежурные ещё допивают чай. Давление в этот час на суточном пике. Распределитель стоит в секторе «С», и это единственный узел порта, от которого нельзя отсечь ветку с берега.

Я нагнулся к разрыву. Кожух вскрыли изнутри, кромка вывернута наружу ровным кольцом. Усталый металл рвёт по шву и в одну сторону.

Это Фоглер. Или те, кто за ним стоит. Других вариантов у меня не было.

— Брукс, хватай людей и отсекай восточную ветку вручную! — я сорвал перчатку, потому что в ней пальцы не чувствовали металл. — Живо! Я сам закрою центральный.

Маховик раскалился. Я обмотал руку рукавом, упёрся ногами, и сапоги поехали по мазуту. Крутанул — не пошёл. Ещё раз.

Спину свело, в глазах потемнело. Потом хрустнуло, и маховик пошёл, сантиметр за сантиметром. Синева в трубах стала гаснуть.

Я сел прямо в лужу и стал дышать ртом. Щёку рассекло: трубка манометра лопнула и хлестнула по лицу, кровь натекла за воротник.

Я сидел и считал, сколько у них ушло на подготовку. Заряд в кожух закладывают снаружи за час, если знать, когда меняется караул. Знать это можно только из ведомости Управления.

Меня сюда выдернули. Тупик сейчас голый.

Кольцо на запястье дёрнулось короткими сериями. Мышь подала сигнал с лавки. Взлом. Серии шли без пауз. Сработал внутренний периметр. Кто-то уже был внутри.

— Брукс! В машину! — я вскочил.

— Сэр, контур ещё не стабилизирован, автоматика может сбросить...

— В машину, я сказал!

Я запрыгнул в «Мамонт», не дожидаясь, пока сержант закроет бронированную дверцу. Брукс газанул, я ухватился за скобу.

Если лавку сейчас возьмут, сектор остаётся без якоря. Фоглер это знает. А если Аделин там одна, я теряю единственного человека, который способен разобраться, как эта система запускается.

Брукс не вписался, и «Мамонт» скрежетнул бортом по стене тупика. Я открывал дверцу на ходу и ударился коленом о край люка.

Четвёртый дом. Верхняя петля вырвана с мясом, дверь висит косо.

Я посмотрел на косяк. Петлю вырывали рычагом от себя, снаружи внутрь, и упор оставили на нижней доске. Так вскрывают двое: один держит, второй работает.

— Аделин! — рявкнул я, вскидывая излучатель.

Она стояла у прилавка, белая, в саже, волосы во все стороны. Мою зажигалку сжимала двумя руками. Жива.

Она медленно подняла на меня глаза. Облегчения в них не было. Был лёд и такое подозрение, что мне захотелось выругаться.

Дальше она говорила с полминуты, и я слушал не слова. Слова были про порт и про то, что я приехал слишком вовремя. Я слушал темп: он не сбивался ни разу, хотя руки у неё ходили ходуном.

Я огляделся. Стеллажи на полу, стекло под ногами, на прилавке чёрные полосы от резков.

Полосы шли поперёк столешницы, короткими проходами, не по кругу. Когда вскрывают ящик, режут иначе. Так режут, когда ищут пустоту под доской.

«Крысы».

Она протянула зажигалку. Ладонь была серая от штукатурки, но смотрела она мне в глаза и не мигала.

Про аварию в доках ей сказали те, кто пришёл с горелками, и сказали так, чтобы запомнилось. Фоглер работает по классике: вброс лжи, чтобы рассорить девчонку со мной. Дешёвый приём, и он подействовал.

— Если бы я хотел обыскать твою лавку, я пришёл бы с ордером, — я поставил излучатель на предохранитель и вытер кровь со щеки рукавом. — Грабители мне для этого не нужны.

Она не шелохнулась. Раствор у неё был не только на ладонях, но и под ногтями, и на правом рукаве до локтя.

Штукатурку так набирают не когда прячутся за стеллажом. Так набирают, когда вынимают кирпич и ставят его обратно.

Она нашла заначку Офелии. Прямо под носом у всех.

Дверь в подвал была приоткрыта. Значит, баронесса не стала ждать и полезла в пекло сама.

— Ты спускалась вниз, — я подошёл ближе.

— Там мой котёл, Смотритель, — она и бровью не повела. — Я спасала вашу статистику. Давление было восемьсот. Если бы я его не сбросила, сейчас бы мы с вами на облаке обсуждали регламенты. Ваш сектор превратился бы в воронку.

Я подошёл вплотную.

— Я нашла пыль и плесень, — сказала она прежде, чем я успел спросить. — А ваши «гости» искали мифические чертежи.

Лгала она ровно, не отводя глаз и не меняя темпа. Локоть при этом держала прижатым к боку и за всё время не отвела его ни разу.

Расспрашивать буду потом, когда за дверью не будет топтать Брукс.

— Брукс! — он подскочил. — Два квартала оцепить. Никого. Ни прессу, ни курьеров от Фоглера — никого, ясно? Дверь заколотить, найди кого-нибудь. И оформи как нападение на государственный объект. Пусть Счётная это переварит.

— Государственный, сэр? — Брукс округлил глаза.

— Лавка Вандерхольт — стратегический узел безопасности. Любой, кто сунет сюда нос без моей санкции, пойдёт по статье о терроризме. Выполнять!

Когда сержант исчез, я прошёл к двери в подвал и тронул ручку тыльной стороной ладони. Металл был тёплый. За те полчаса, что она провела наверху, ручка остыть не могла только в одном случае: снизу шло тепло, и шло оно постоянно.

Я закрыл дверь и развернулся к ней.

— Теперь слушай сюда. Если ты реально что-то нашла — зарой это так глубоко, чтобы сама не вспомнила. «Крысы» второй раз просить не будут. Если они пронюхали про вещь, они вернутся и сожгут тут всё вместе с тобой.

— Зачем вы это делаете? — в её голосе впервые прорезалось что-то кроме злости. — Вы же должны всё изъять. По инструкции.

Я усмехнулся. Усталость после порта наконец догнала, плечи налились тяжестью.

— Потому что инструкции пишут такие, как Фоглер. А мне не нравится, когда бандиты лезут в мои дела. И ещё... смени выражение лица, Аделин. Тебе не идёт подозрительность. Мешает соображать.

Зажигалку я оставил на прилавке. Пусть лежит.

— Мышь верни.

Она полезла в карман и вытащила артефакт. Кончики пальцев коснулись моей ладони, и опять этот разряд, сухой и короткий. Я дёрнул рукой.

Мышь легла в карман тёплой. Я повернул её корпусом к ладони и проверил боковину. Пломба была цела: вскрывать она не пробовала.

— Она показала мне стену, — Аделин сказала это почти шёпотом. — Зачем вы её оставили?

— Чтобы ты не подорвалась в первую ночь. Завтра в полдень приду. Приведи себя в порядок. И сделай что-нибудь с Бернардом, ему руку покорёжило.

Я пошёл к выходу и на пороге обернулся. Она стояла посреди погрома, вздёрнув подбородок. На шее у неё была тонкая полоска сажи.

— И вот ещё. Аварию в порту я не делал. Но тот, кто её устроил, очень хотел, чтобы меня здесь не было. А значит, ты стоишь гораздо больше сорока тысяч единиц долга. И поверь мне, это — твоя самая большая проблема на сегодня.

Я вышел под дождь.

— Брукс, — я залез в салон. — Узнай, кто нанял этих троих. Мне нужна фамилия к утру. И пост у тупика оставить. Не хватало ещё, чтобы наследница пропала до того, как мы бумаги оформим.

Я откинулся на сиденье.

Тубус она не отдала, и я знал, что не отдаст. Вопрос был в том, что внутри и кто ещё об этом знает.

Если завтра она сделает глупость, я закрою лавку. Пока не закрыл.

Я достал мышь и повернул донцем к свету, к счётчику срабатываний. Три за ночь: взлом, извлечение, и третье — за сорок минут до первых двух.

Третье шло, когда в лавке была только она.

В Управлении было как обычно: табак, чернила, гул пневмопочты. Я прошёл к себе. На мне мазут, на лице кровь. Клерки пилились, я не смотрел.

У поворота к моему кабинету на полу лежала полоса мокрого следа, подсохшая по краю. След шёл от лестницы и не выходил обратно.

Фоглер сидел в моём кресле. Я увидел его ещё из коридора: силуэт, очки и эта привычка класть руки на стол, как будто всё вокруг уже его.

Папка по лавке лежала перед ним раскрытая. Открыта она была на третьем листе, на описи оборудования. До описи в этой папке двенадцать страниц, и он дошёл до неё быстрее, чем я поднялся по лестнице.

Значит, он её уже читал. И не сегодня.

— Вы заставили меня ждать, Илар. — Фоглер скрипнул голосом, как пером по дешёвой бумаге. — Мне донесли, что в порту возникли... сложности. И что вы бросили пост ради какой-то развалюхи в Тупике Медных Игл.

Я положил излучатель на стол.

— В порту диверсия. Пока я там затыкал дыры, в мой сектор влезли с резаками. Три человека. Лавка Вандерхольт.

Фоглер перевернул страницу и даже не поднял глаз.

— Ограбление в заброшенной лавке? Там нечего красть, кроме ржавых труб. Не драматизируйте.

— Там стратегический узел, — я наклонился вперёд, опираясь руками на стол. — И если кто-то ещё раз попытается вломиться туда без моего ведома, я буду расценивать это как государственную измену. Вы меня услышали?

— Вы слишком привязались к этой баронессе. — Фоглер поднялся, поправляя манжеты. — Это делает вас уязвимым. Ваш отец тоже привязывался не к тем людям. Впрочем, ему это

стоило больше, чем должности. — Он одёрнул пальто. — У вас есть срок до завтрашнего полудня. Если объект не будет опечатан и передан под управление Счётной палаты — я подниму вопрос о вашем служебном соответствии.

Он прошёл к двери и на пороге остановился.

— Кстати, Илар. Трое нападавших, о которых вы говорили... Мои люди нашли их в коллекторах. К сожалению, они не смогли дать показаний. Произошёл несчастный случай. Утечка газа.

Фоглер ушёл, и после него в кабинете ещё полчаса держался запах фиалковой воды.

Я сел в кресло и потрогал щёку. Дёргало.

Глиф под рубашкой ныл. Он всегда ноет рядом с Фоглером, и я так и не понял, на что: на его артефакты или на него самого.

Я вернулся к его словам про отца и разложил их по порядку. Про отца в моём деле нет ни строки: дело закрыто грифом Канцелярии, и открыть его может ровно один человек в Ривенхольде — я сам.

Фоглер знает это не из бумаг.

Утечку газа в коллекторах оформляют актом за подписью городского инженера. Троих нашли ночью, акт он уже имел на руках к утру. Такой акт не пишут за четыре часа. Его пишут заранее.

Он убил свидетелей и пришёл сказать мне об этом в лицо.

В нижнем ящике лежала карта, старая, на тканевой основе. Офелия отдала мне её пять лет назад, когда я только принял сектор. Синими чернилами в углу стояла пометка: резонансный узел 4-А. Лавка.

— Ну давай, Аделин, — сказал я в пустой кабинет. — Покажи мне, что ты там нашла.

Я сидел до рассвета. Карту разложил, рядом положил отчёты по давлению за двенадцать лет и свёл их по месяцам.

Кривая квартала шла зубьями: провал в холода, подъём весной. Кривая лавки шла прямой. За двенадцать лет она не отклонилась ни разу, включая ту зиму, когда Ривенхольд трое суток сидел на четверти лимита.

Офелия держала стабильный фон, когда весь квартал вокруг задыхался. Как — я до сих пор не понял. Но Аделин сейчас сидит в середине этой системы и не знает, на чём она сидит.

Утром я сменил мундир, заклеил щёку и вышел.

— Брукс! — крикнул я в коридор. — Машину к подъезду. К полудню будь в Тупике. Я задержусь.

Глава 5. Механическая память

К утру ветер сорвал верхнюю доску, и она валялась на крыльце. Проём теперь закрывала только покорёженная дверь, державшаяся на одном гвозде.

Я сидела на полу у прилавка. Доски холодили сквозь юбку, а тубус под сюртуком давил в рёбра и от живота уже нагрелся.

В лавке пахло разбитым стеклом и сквозняком: так пахнет дом, у которого вынесли дверь.

Рядом лежал Бернард, на боку, клешня торчала вверх. Из плеча высыпались шестерёнки.

Я собрала их и разложила на ладони. Восемь штук, и у семи зуб сточен с одной стороны. Так изнашивается передача, которая годами ходила в одну сторону и которую никто не переставлял.

Бернарда не чинили с тех пор, как умерла тётка.

В голове пульсировало: сорок две тысячи, восемьсот единиц, Илар.

Подбородок до сих пор горел там, где он тронул. В этом городе людей так не трогают, тут либо быют, либо тащат за шкирку.

И зажигалку оставил, и мышь. Щедрый какой. Ему нужно, чтобы я сама нашла то, что он не может забрать по закону. Руки чистые, совесть чистая.

Я вытащила тубус. Сургуч на крышке размяк от тепла моего тела, и я поддела его ногтем.

Внутри лежала одна страница. Калька, тонкая, я сквозь неё пол видела. Пахло полыньёю, как у тётки в комнате, когда я маленькая приезжала в гости.

Я расстелила её на полу и прижала углы чем попало.

Это был четвёртый сектор, снятый до требухи. Трубы, клапаны, узлы. Всё тянулось в одну точку, сюда, и чем ближе к Тупику, тем линии жирнее.

Я провела по одной из них пальцем от края до центра. Линия была обведена трижды, и каждый раз чуть иначе: карандаш, потом тушь, потом снова карандаш поверх.

Офелия возвращалась к этому листу годами и каждый раз убеждалась, что не ошиблась.

— Что ж ты тут наворотила, тётя?

По краю листа шла узкая строка. Офелия писала резко, без завитков: «Резонанс = 0 — остановка города. Более 800 — возгорание. Илар знает. Источник — под Магистратом».

Я перечитала дважды. «Илар знает» стояло в настоящем времени, а лист пролежал в сейфе три года.

Долг был ширмой. Ему нужен был рубильник в моём подвале, потому что этим рубильником держат за горло весь район.

За окном тяжело громыхнул паровой двигатель. Патруль.

Я скатала кальку. В сейф нельзя, найдут и кирпичи вывернут.

Я посмотрела на Бернарда и откинула панель у него на груди. Там, где у людей сердце, была пустая ниша. Когда-то стоял резонатор, теперь осталась промасленная тряпка.

Я вынула тряпку и примерила тубус. Он вошёл по посадочному месту, впритирку, будто нишу делали под него. Щёлкнуло.

— Посторожи, приятель. Надёжнее любого банка. У банков хотя бы двери есть.

Я умылась. Вода из крана шла ржавая и пахла хлоркой. В зеркале стояло чучело: глаза ввалились, на щеке кровь засохла, волосы в трухе.

«Руки отмой, баронесса». Да пошёл ты.

Зажигалка в кармане грела бедро. Единственная тёплая вещь на мне, и та его.

Я вытерла лицо обрывком полотенца и услышала шаги. Размеренные, сухие, с одинаковым интервалом. Так не ходят по чужому кварталу и не торопятся.

Я схватила с прилавка молоток. Если это опять грабители, впечатаяю сталь в зубы без предупреждения.

В проёме стоял невысокий мужик в котелке. Пальто серое, застёгнуто доверху, в руках кожаный портфель с печатью.

Портфель он держал двумя руками перед собой, и углы у него были стёрты до светлой кожи. Такой носят каждый день и по одному и тому же маршруту.

— Госпожа Вандерхольт? — голос был бесцветным. — Господин Клерк. Представитель Счётной палаты. У нас предписание о немедленном отчуждении имущества.

Я перехватила молоток. Ладонь вспотела.

— Вы рано, господин Клерк. Солнце ещё не взошло.

— У долгов нет расписания. — Он обвёл взглядом руины. — Тут был погром. Какое прискорбное совпадение.

Он брезгливо коснулся пальцем треснувшей стойки.

— Порча залогового имущества увеличивает задолженность. Вы в курсе? — он обвёл глазами погром. — Впрочем, вам идёт. Грязь. Ривенхольд. Аутентично.

Говорил он еле шевеля губами. Ни голоса не повысил, ни руками не махал. «Крысы» хотя бы орали. Этот был страшнее: за ним стоял Магистрат, а Магистрат умеет перемалывать людей тихо.

— Имущество попортили ваши псы, — я не сдвинулась, закрывая собой Бернарда. — «Медные крысы». Передайте Фоглеру, что они слишком много болтали. О порте, о планах Магистрата... О том, зачем вам на самом деле этот дом.

Клерк замер. Глаза за стёклами очков стали двумя льдинками.

— Порочить имя главы Счётной палаты — прямой путь в долговую тюрьму. Там баронессы чистят коллекторы наравне с ворами.

— Я и так заперта здесь, — я кивнула на заколоченные окна. — И если вы сейчас же не уберётесь, я спущусь в подвал и открою главный вентиль. Давление в контуре — пятьсот единиц. Вчера было восемьсот. Знаете, что бывает при таком резонансе? Нас обоих распылит раньше, чем вы откроете портфель.

Он посмотрел на манометр на стене. Тот мелко дрожал.

Дураком клерк не был: эфирный перегруз четвёртого класса он представлял отлично. И на манометр он посмотрел раньше, чем я договорила, — значит, знал, где тот висит, и бывал здесь до меня.

— У вас есть время до полудня. — Он пытался к выходу, не поворачиваясь спиной. Достал из портфеля тяжёлый сургучный диск на цепочке и прижал его к косяку. Метка вспыхнула багровым и вгрызлась в дерево. — Ровно до полудня. Дальше решать буду не я.

Ушёл. Туман проглотил его за три шага.

Я сползла по стене, ноги опять не держали. Блеф прокатил.

Я тронула метку пальцем. Дерево вокруг неё было холодным, а сама она грелась. Питалась она от городской сети, и снять её можно было только оттуда же.

За окном посерело. Часы на стене стояли после вчерашней тряски. Трубы гудели уже не на пике, но до дневного сброса ещё не дошли. Середина утра.

У меня часа четыре, может пять. Смотритель дал три дня, вторые ещё не кончились. Клерк об этом знать не хочет. Вопрос, чей срок в этом городе весит больше.

— Ну что, медяшка, будем пробовать? — я повернулась к роботу.

Я достала из ящика ключи. Офелия учила так: «Металл чувствует страх, Аделин. Не бойся его». Мне нужно было, чтобы Бернард стал щитом.

Шестерёнки с пола я собрала в карман: три целых, одна расколота. Придётся обходиться.

Я вскрыла панель на его плече. Внутри всё было в копоти, удар резак оплавил медные жилы.

Я развела их пальцем. Из девяти жил целых осталось четыре, и все четыре шли на нижний контур. Верхний, который держит шею, был перебит начисто.

Значит, встанет он с повёрнутой головой и повернуть её обратно не сможет.

Отвёртка сорвалась и разодрала мне ладонь. Я вытерла кровь о штанину и снова полезла внутрь. Каждая вспышка статики отдавалась в пальцах.

Руки тряслись, отвёртка соскальзывала. Илар придёт в полдень. Увидит Метку, увидит разгром. Что он сделает, я понятия не имела. Может, скажет «я же говорил». Может, молча полезет в Бернарда — он не дурак, догадается.

Зажигалка упиралась в бедро и мешала наклоняться. Я билась об неё каждый раз и каждый раз вспоминала его руки на моём подбородке.

Я соединила последние контакты. Ударило озоном, кончики волос зашевелились.

— Давай же, Берни... живи.

Я ударила ладонью по пусковому клапану на затылке. Внутри щёлкнуло раз, другой. Потом пошёл воздух, и манометр на груди дёрнулся.

Он содрогнулся. Медные веки со скрежетом открылись, в линзах вспыхнул оранжевый свет.

— Статус... — прохрипел он. — Защита... периметра... повреждена.

— Вставай. — Я вытерла лоб и оставила на нём полосу масла. — У нас скоро будут гости. Бернард встал. Тяжело, с таким скрежетом, что у меня заныли зубы. Но встал.

Покачнулся. Одна нога вышла короче: я забыла подтянуть колено. Голова осталась повёрнутой вправо, как я и считала.

Ну и ладно, зато грозный.

Часы на стене дёрнулись и пошли. Без пяти двенадцать. Бернард при запуске тряхнул контур, и они ожили от этого толчка.

Где-то в городе Илар уже ехал сюда. Зачем — я не знала. Может, закрывать дело, а может, забирать то, что Офелия спрятала. Мышь-то он мне подсунул с умыслом: она прямым к сейфу привела.

Я достала зажигалку. Серебряный ястреб на крышке блеснул.

— Бернард, — сказала я, глядя в туман за дверью. Метка на косяке пульсировала алым. — Если в дверях появится человек в сером пальто — ломай ему руки. Сразу. Если человек в мундире Смотрителя... жди. Стой и жди, пока я не дам знак. Понял?

— Принято... хозяйка.

Я дёрнула последнюю доску, гвоздь выскочил, медяшка зазвенела по полу. Нечего мне баррикады в своём доме.

Бернард встал в проёме. Клешня сжалась, медленно, со скрежетом. На пол капнуло тёмное масло. Я подставила ладонь и растёрла каплю пальцами: масло было густое, с крошкой. Гидравлику ему тоже задело, и надолго его не хватит.

В тумане, у самого края Тупика, скрипнули тормоза кареты. Потом пошли каблуки по мостовой, один, второй. Кто-то шёл к лавке, не скрываясь.

Глава 6. Прямое подчинение

В кабинете я сидел с восьми и допивал третью кружку кофе. Вчера лёг рано, впервые за неделю, и выспался.

Я вытащил часы. Двадцать минут до полудня. До Тупика от Управления при пустой Стим-авеню восемь минут, при загруженной — пятнадцать. Запас был, но тонкий.

Через двадцать минут к четвёртому дому подъедут из Счётной.

На столе лежал обрывок телеграммы, ещё влажный от масла пневмопочты. Из Верхнего города прислали короткое: «Сфера сбоит. Узел нестабилен. Температура зашкаливает. Срочно нужен специалист старой школы».

Штамп приёма стоял в углу бланка. Телеграмму приняли в шесть сорок, а на мой стол она легла в восемь пятнадцать.

Полтора часа она где-то лежала. По регламенту с пометкой «срочно» её обязаны поднять наверх за четверть часа.

Офелия мертва, а подвал её до сих пор гудит. Вот и вся история.

Я скомкал бланк и бросил его в пепельницу. Поднялся. Спина отозвалась болью после вчерашнего прорыва магистрали.

Схватил с вешалки пальто. Сукно не просохло и легло на плечи тяжёлым.

Коридоры Управления гудели. Трещали телеграфные аппараты, кто-то ругался у распределительного щитка. Я прошёл мимо дежурного, не кивнув.

— Брукс! — крикнул я, сбегая по ступеням на улицу. — Карету. Живо.

Брукс ждал снаружи. Пролётка сипела, из-под днища шёл пар.

— В Тупик, сэр? — Брукс запрыгнул на козлы, натягивая перчатки.

— Гони, сержант. Выжми из этого котла всё.

Брукс выжал. На первом повороте нас подбросило так, что я чуть не вынес головой стекло.

На Стим-авеню стояла пробка из углевозов. Пока стояли, я подсоединил кольцо к сети экипажа и поставил на зарядку. Медь на запястье загудела и через минуту стала тёплой на ощупь.

Дошло до половины за минуту. Раньше на это уходило три. Фон в городе поднялся втрое с прошлой недели.

Потом Брукс куда-то вывернул, нас тряхнуло, и мы вылетели в Тупик без пяти двенадцать.

Брукс тормознул впритирку к грузовику, и меня бросило вперёд, локтем в переборку.

Они уже были здесь.

Грузовик Счётной, свинцовая обшивка на кузове. Трое в фартуках вытаскивали баллоны, а клерк в котелке стоял у двери, и метку свою багровую уже налепил.

Я посмотрел на баллоны. Все четыре полные, с целыми пломбами, и рабочие ставили их в ряд у крыльца. Под опечатывание хватает одного.

Они приехали не опечатывать. Они приехали резать.

У цоколя, там, где нижняя навеска уходила в землю мимо счётного узла, на брусчатке лежал обрезок кабеля в два фута.

Срез был свежий, медь по кромке ещё блестела. Успели до меня.

Один уже поджигал горелку.

— Отставить, — мой голос прозвучал негромко, но рабочий дёрнулся и опустил горелку.

Я подошёл к крыльцу.

Клерк обернулся, глазки за толстыми линзами сузились.

— Господин Смотритель? Вы не имеете права вмешиваться. У меня на руках ордер на ликвидацию. Задолженность Вандерхольт не погашена. Мы приступаем к изъятию.

— Ваша операция отменяется, — я поднялся на первую ступеньку. — Объект переходит под прямую юрисдикцию Казначейства.

Клерк издал короткий лающий смешок.

— Казначейства? Это шутка? У меня приказ Фоглера. Лавка пуста, владелица неплатежеспособна. Никаких резолюций сверху не поступало. Опечатывайте, парни!

Рабочий снова поднял горелку.

— Я беру объект под временную реквизицию.

Дискуссию я тратить не стал. Шаг вперёд, правая рука вверх, большой палец сдвинул блокиратор на кольцо.

Импульс сорвался с металла беззвучно и ударил по дуге. Баллон за спиной рабочего звякнул, синее пламя втянулось внутрь сопла, и белый иней за секунду покрыл металл от шланга до вентиля.

Рабочий вскрикнул и выронил обледеневший резак на ступени.

Клерк попятился, прижимая портфель к груди. Лицо у него стало цвета сырой штукатурки.

— Вы применяете силу против служащих Магистрата! Это трибунал, Илар!

Я подошёл к нему близко, так что он отшатнулся.

— В Верхнем городе заклинило резонансную сферу. Температура критическая. Казначей требует специалиста по старым узлам. Вандерхольт — единственная с нужным патентом.

Я сделал паузу, глядя, как у клерка ходит кадык.

— Заберёте её в долговую тюрьму — чинить сферу будет некому.

Я кивнул на обрезок кабеля у цоколя.

— А ещё у вас на брусчатке лежит кусок городской навески, срезанный до того, как вы предъявили ордер. Это не взыскание. Это порча узла, и наряд на неё подписан. Фамилию напомним?

Клерк замолчал. Костяшки на портфеле у него побелели.

Порча городского узла — это не долги выбивать. Это комиссия, а комиссия спрашивает с того, кто подписал.

— Это... временная отсрочка, Смотритель, — пробормотал он, поправляя очки. — Счётная палата потребует официальный акт реквизиции специалиста.

— Пусть Фоглер пришлёт запрос. На гербовой бумаге. И передайте ему: срок здесь назначил я. Три дня, третий идёт. Ваш полдень в четвёртом секторе не считается. Свободны.

Я отвернулся. Рабочие молча подобрали инструменты.

Обледеневший резак один из них поднял голыми руками и тут же перехватил тряпкой. Иней с металла сходил медленно, дольше минуты.

При такой отдаче кольцо садится наполовину. Я проверил медь на запястье тыльной стороной пальца: тёплая, значит, заряд ещё был.

Грузовик сдал назад и покатил прочь.

Я прижал кольцо к метке на косяке. Сургуч был ещё тёплый.

Щёлкнуло, печать зашипела и осыпалась бурой трухой на порог. Я растёр труху носком сапога: под ней осталось чистое дерево без выжженного следа.

Метку ставили на час, не больше.

Я обошёл дом по фасаду и нашёл, где резали. Обходной отвод сняли начисто, концы подняли из земли и загнули, чтобы не срастили обратно.

Теперь лавка либо тянет из собственного контура, либо не тянет вовсе. Счётчик у неё с этого часа честный, и долг перестанет расти.

Я посчитал заходы. Крысы в ночь на вторник, клерк с меткой на рассвете, грузовик с баллонами в полдень. Три захода за полтора суток, и каждый раз другими руками.

Фоглер не выселяет. Он щупает, чем её взять, и смотрит, кто приезжает её прикрывать.

В третий раз приехал я.

Покорёженная дверь висела на одном гвозде. Я толкнул, и она подалась внутрь.

Шаг через порог.

Пахло свежей смазкой, жжёной канифолью и нагретой медью.

— Стоять, — проскрежетало из полумрака.

Воздух распорола массивная конструкция и остановилась в дюйме от моего лица. Медная клешня. С суставов на воротник моего пальто капнуло чёрное масло.

Я не дрогнул, только перевёл взгляд выше. За клешнёй стоял Бернард.

Огромный, тёмная бронза и чугун. В груди за решёткой дёргался манометр, из клапанов на затылке сифонил пар, глаза горели оранжевым.

Голова у него стояла криво, повернутая вправо, и не двигалась вслед за клешнёй. Верхний контур она восстановить не смогла, а нижний подняла за ночь.

Из-за спины голема вышла Аделин.

Сажа на скуле, волосы чёрт знает как, рубашка вылезла из-под сюртука, рукава закатаны. В одной руке гаечный ключ, в другой моя зажигалка. Пальцы сбитые, в царапинах.

— Отбой, Берни, — хрипло, но твёрдо.

Клешня опустилась. Бернард шагнул назад, и пол под ним хрустнул.

— Ты нарушаешь закон о модификации городской инфраструктуры, наследница, — я прошёл внутрь, оглядывая разгром. — Боевые автоматы в частном секторе запрещены.

— Это вешалка для пальто, Илар, — она бросила ключ на прилавок. — Просто очень массивная. У нас тут, знаешь ли, не самый спокойный район. Оставлять верхнюю одежду будете?

Манометр на стене показывал двести. Норма. Позавчера было восемьсот.

Сбоку через стекло было видно: конденсат внутри осел ровным кольцом, без разводов. Так он оседает, когда давление держали ровно не меньше половины суток.

Она вела его вниз всю ночь, без рывка.

— Казначейство? — она положила зажигалку рядом с ключом и скрестила руки. — Я слышала ваш разговор через стекло. Красиво врёт, господин Смотритель. У вас все отговорки такие масштабные, или только для избранных должников?

Я стянул перчатки и бросил их рядом с её инструментом.

— Я не вру, Аделин.

Я вытащил из кармана сложенный бланк и развернул перед ней.

— У Казначей час назад встала сфера. Высшая категория. Мои техники сунулись — статика убивает на десяти ярдах, к постаменту не подойти. Эту штуку Офелия собирала. Двадцать лет назад. И как она устроена — не знает никто.

Аделин взяла бланк и читала быстро. На бумаге остались масляные отпечатки от её пальцев.

— Они требуют моего присутствия? — она подняла голову. — А если я откажусь?

— Откажешься — через час тут жандармы. Лавку на замок, тебя на улицу. А Бернарда твоего — в арсенал, на лом. Вот и весь расклад.

Я опёрся руками о край прилавка.

— Если согласишься и запустишь их игрушку — получишь контракт. Контракт отменит долг. И даст тебе иммунитет от таких, как Фоглер.

Она молчала. На шее билась жилка.

— Мне нужен походный набор, — наконец произнесла она. — Серебряные щупы, горелка, амальгама. И мой окуляр.

— Собирай. У тебя пять минут.

Она метнулась к двери в подвал, и ступени заскрипели под её ботинками.

Мышь в кармане возилась. Пусть сидит, в Казначействе пригодится.

Стало тихо. Бернارد стоял, не шевелясь, только внутри булькала охлаждающая жидкость.

У люка остались её инструменты, разложенные по порядку и не убранные. Так бросают на середине, когда кончаются силы.

Она всё запустила. За одну ночь, одна, с разбитыми пальцами. Я стиснул челюсти так, что заныли виски.

На прилавке рядом с зажигалкой лежала маленькая шестерёнка из плеча голема. Я взял её и повернул к свету. Металл был сточен почти до основания, и сточен с одной стороны.

Снизу доносился грохот ящиков и звон стекла.

Вернулась она быстро. Кофр на плече, сюртук застёгнут, окуляр на лбу.

— Я готова. Берни, ждущий режим. Периметр на замок.

Бернارد опустил голову, глаза закрылись со щелчком.

Я открыл входную дверь. На улице шёл дождь, карета ждала, лошади фыркали паром.

Аделин вышла на крыльцо и посмотрела на лужу расплавленного сургуча у своих ног.

— Если я не справлюсь, вы отвезёте меня в тюрьму сами? — она подняла на меня взгляд.

— Если не справишься, нас обоих разнесёт вместе с половиной Верхнего города.

Я открыл дверцу. Она села внутрь, кофр бухнул о пол. Брукс тронул.

Глава 7. Белая кость

В карете пахло деньгами. Кожа мягкая, светлая, я такую только в каталогах видела.

Села в угол, кофр на колени, и тут же наследила: с сапога натекло прямо на ковёр. Правый хлюпал всю дорогу.

Илар сидел напротив, разглядывал улицу за окном и барабанил пальцами по колену.

На его обшлаге было пятно мазута. Я тронула его большим пальцем: сухой, не смазывается, и лёг он поперёк рукава широкой полосой. Такую полосу оставляет горячий маховик, если обхватить его руками.

Про аварию в порту он не соврал.

— Перестань сверлить во мне дыру, — бросил он, не оборачиваясь. — Я чувствую твой взгляд даже затылком.

— Это не взгляд, это статика, — я поправила окуляр на лбу. — У вас в карете контур искрит. Того и гляди, обивка вспыхнет.

— Контур в порядке. Это ты фонишь так, что у Брукса на козлах волосы дыбом встали.

Он наконец повернулся. В свете газового фонаря глаза у него казались совсем прозрачными.

— Почему именно я? — я прижала кофр к коленям. — В Ривенхольде полно техников. У Магистрата есть целые отделы в синих мундирах, которые получают жалованье за то, что полируют эти сферы.

— Потому что твои «синие мундиры» умеют работать исключительно по инструкции. — Илар криво усмехнулся. — А когда сфера начинает выдавать резонанс на частотах, которых нет в учебниках, они стоят рядом и ждут, пока здание сложится внутрь себя. Офелия была... внесистемной. Она строила узлы так, будто писала стихи. С лишними запятыми и скрытым смыслом. Никто, кроме её крови, в этом не разберётся.

— Так это не про кровь, Смотритель. Это про руки. Тётя меня учила, а ваших техников — нет. Разница. А если я испорчу оборудование?

— Тогда у меня станет одной проблемой меньше. А у города — одним сектором больше.

Я открыла кофр. Четыре серебряных щупа, один погнут у основания. Погнутым в горячем узле не работают: он сядет в гнездо криво и уведёт показания.

Рабочих у меня три.

На мосту трянуло. Я ухватила за скобу, кофр съехал с колен.

А потом — воздух. Другой. Я даже не сразу поняла, что изменилось. Воздух был чистый. Просто чистый. Ни серы, ни масла, ни той кислятины, к которой я за два дня уже привыкла.

Я опустила стекло на палец и вдохнула носом. Из окна тянуло кофе, настоящим, свежим. У меня заурчало в животе, громко.

Илар дёрнул ухом, но промолчал. Хоть что-то хорошее в этом человеке.

Фонари белые, ровные. Я проехала мимо десятка и ни один не мигнул.

У нас в Тупике фонарь моргает раз в пятнадцать секунд, потому что сеть просаживается под чужой нагрузкой. Здесь никто ничего не отбирал.

Витрины блестят, люди в мехах. У женщины на углу шляпка стоила, наверное, больше, чем весь мой багаж. Она посмотрела на меня и отвернулась. Быстро так.

И правильно сделала. Даже через стекло я, наверное, выглядела как то, что счищают с подошвы.

Остановились. Белый камень, колонны, у входа двое с ружьями. Казначейство.

Я присела и прошлась ладонью по кладке у самой мостовой. Швы были чистые, без наростов. У нас такие швы за год зарастают зелёным.

Здесь фильтры стояли не только на трубах.

— Выходим. — Илар выпрыгнул на мостовую и подал мне руку.

Я проигнорировала ладонь и спрыгнула сама. Кофр ударил по бедру.

Мы прошли мимо гвардейцев. Те не шелохнулись, только глаза за прорезями шлемов проводили мою грязную фигуру.

Внутри было холодно. Мрамор, высокие потолки, и тихо так, что я слышала собственный желудок.

Навстречу бежал мужик в жилете, мокрый от пота, платок мнёт в кулаке.

— Смотритель! Наконец-то! Сфера... она поёт. Понимаете? Она поёт на ультразвуке! Лаборанты отказываются заходить в зал.

— Где она? — коротко спросил Илар.

— В четвёртом секторе стабилизации. Пойдёмте, скорее!

Илар отстал на секунду. Я обернулась: он стоял у окна, мышь выскользнула из его ладони на подоконник и юркнула за карниз. Я промолчала.

Шли долго. Залы, стеллажи, папки до потолка. Потом свинцовая дверь.

За ней звенело. Тонко, на одной ноте. Я прижала к свинцу запястье и подержала: свинец передавал вибрацию наружу. Через такую дверь её быть не должно.

Я слышала это на третьем курсе, когда у нас пошёл вразнос подшипник. Разница была в том, что подшипник весил полкило.

Илар толкнул дверь.

Меня обдало жаром. Ещё до того, как я увидела сферу, я поняла, что она работает неправильно: вибрация шла слишком высокая, как у двигателя перед тем, как застучит.

— Отойдите, — я сдвинула окуляр на глаза и щёлкнула тумблером.

Через окуляр картинка была другая. Всё жёлто-бурое, а поверх красные линии, силовые, и они пульсировали.

Пульсации шли двумя частотами, наложенными друг на друга, и вторая — с небольшим смещением.

Вибрация была чужая. Контур идёт вразнос — стоячая волна, я такое на третьем курсе разбирала, но тут хуже. Кто-то влез в систему и добавил лишний поток. Вручную.

Ещё шаг. Жар был сухой, лицо горело, а спине холодило.

Искра прошла мимо уха, и меня дёрнуло. Я подняла руку и подержала ладонь на весу: волоски на предплечье встали и остались стоять.

Статическое поле держалось постоянным. До постаментов оставалось шагов шесть, и последние два предстояло идти в нём.

— Кто последний проводил калибровку? — я не оборачивалась, глядя на манометры, стрелки которых бились в красной зоне.

— Старший техник... — начал человек в жилете.

— Гоните его в шею. Он перетянул возвратный клапан. Сфера пытается сбросить энергию, но ей некуда. Ещё десять минут, и она вывернет этот зал наизнанку.

Щуп из кофра. Серебряный, холодный. Руки тряслись, но когда я его взяла — перестали. Так всегда: пока не трогаешь инструмент, страшно, а тронула — и уже работаешь. Некогда.

Рычаг у подножия постаментов я осмотрела первым. Ход у него был длинный, дюймов на восемь, и без фиксатора.

Одной рукой его не удержать, а обеими я не смогу работать щупом.

— Илар, мне нужно, чтобы кто-то придерживал распределитель. Его сейчас начнёт выбивать.

Смотритель шагнул в зону разряда без колебаний. Пальто у него затрещало от статики, на воротнике вспыхнули искры. Он обхватил рычаг обеими руками, упираясь сапогами в гранит.

— Давай, Аделин. Я держу.

Я полезла. Мареву обожгло лицо, я зажмурилась, но руки сами нашли гнездо.

Гнёзд было три, по числу вводов. Я вела щуп по ободу, пока он не сел в среднее: у крайних кромка была заполирована чужими щупами, у среднего — нет.

Среднее не трогали с постройки. Значит, лезли в крайние, и лишний поток пустили оттуда.

Щуп вошёл, и сферу тряхнуло так гулко, что я отшатнулась. Устояла.

— Частоту сдвинули руками. Кто-то вкрутил в общую схему чужеродный ритм.

Внутри кожуха было горячо, и воздух там стоял неподвижный, масляный. Рука до локтя нагрелась за полминуты.

Глубже. Я нащупала стопорный болт и попробовала провернуть против часовой. Он не пошёл. Пошёл по часовой, и это было неправильно: стопор на таких узлах ставят левой резьбой.

Его переставляли. Кто-то разбирал этот узел и собрал обратно чужим болтом.

Я довела его до упора. Заскрежетало, потом щёлкнуло.

Синева погасла, пошло золотое. Гудение стихло, осталось тихое бормотание.

Я отстранилась и вытерла лоб рукавом.

Илар отпустил рычаг и разжал пальцы не сразу, а по одному. На перчатках было красное: рычаг прожёт ткань насквозь.

Я пригляделась к рычагу. Прогар на нём шёл двумя полосами, по ширине ладоней, и краска вокруг вздулась пузырями.

Он держал его те полторы минуты, что я работала, и не сказал ни слова.

— Стабильно, — выдохнула я, глядя, как стрелки ползут к зелёному. — Можете звать своих лаборантов. Пусть прочистят форсунки, иначе через неделю всё повторится.

Человек в жилете подбежал к сфере, бормоча показания. Я не слушала.

Я смотрела на кончик щупа. На серебре остался кусочек белого сургуча. Я поддела его ногтем и растёрла между пальцами. Он был мягкий и не крошился.

Свежий. Дня три, не больше.

Я растёрла его между пальцами ещё раз. Магистратский сургуч бурый и крошится, этот был белый и тянулся.

Такой я видела дважды: на пакете, которым в университете пришла столичная поверка, и на тёткиных письмах.

— Ты молодец. — Илар подошёл сзади. Он тяжело дышал, фуражка съехала набок. — Я не ошибся.

— Ошиблись, Смотритель, — я повернулась к нему, пряча щуп в кофр. — Эту сферу не время испортило. Её «подлечили» ваши коллеги из Казначейства.

В глубине зала шевельнулось. Я повернулась. У колонны стоял Фоглер.

Пол у его ног был сухой, а мы натоптали с улицы на весь зал. Он вошёл до нас и стоял здесь всё время, пока я работала.

Он смотрел на меня, как на вскрытый механизм.

— Господин Смотритель, — Фоглер заговорил негромко, но в зале все замолчали. — Приятно видеть, что объект спасён. Однако присутствие посторонних лиц в секретном секторе всё ещё требует документального обоснования.

Илар выпрямился, заслоняя меня собой.

— Обоснование у вас перед глазами, Фоглер. Сфера работает. Город не взорвался. Если вам нужны бумаги, заходите завтра в полдень.

— Обязательно зайду. — Фоглер кивнул. — Баронесса, ваша работа впечатляет. Офелия была бы... довольна.

Он развернулся и ушёл, стуча каблуками по мрамору.

Я стояла, вцепившись в ручку кофра.

Он назвал её по имени. Офелия. Так её звали те, кто садился с ней за один стол.

— Нам пора. — Илар взял меня за локоть. — Пока он не передумал насчёт «гостеприимства».

На улице лило. Карета стояла, Брукс даже не слез с козел.

На балконе наверху блеснуло. Мышь. Та самая. Сидит, не двигается, хвостом стучит.

Тук-тук. Тук. Тук-тук.

Ещё два круга. Ритм не менялся, и он совпадал с тем, что я четверть часа назад вырезала из сферы.

Я запрыгнула в салон, и Брукс рванул с места.

В кармане сюртука кольнуло бедро. Я сунула руку внутрь и нащупала жёсткую пластину.

Медная пластинка, маленькая, с ноготь. Я узнала её: от Бернарда, от плеча.

Я повернула её к окну. На обратной стороне были нацарапаны цифры, и царапали их иглой, изнутри наружу, по неснятой пластине. Метят изнутри то, что не собираются показывать.

Масло размазалось, но видно было: 42108.

Тряхнуло. Пластинка выскользнула и звякнула об пол. Прямо у его ноги.

Илар посмотрел вниз.

Глава 8. Кровь и медь

Чешуйка лежала у меня на сапоге. Я подобрал её.

Маленькая, острая по краям. 42108.

Я повернул её к окну. Цифры были набиты мелко, в одну строку, без разделителей и без клейма мастера.

Инвентарный номер ставят с клеймом. Этот набивали для себя.

Аделин смотрела на мою руку и молчала.

Она потянулась забрать. Я не отдал. Наши пальцы столкнулись, у неё ледяные, в мазуте, у меня горячие. Между ними щёлкнуло. Она дёрнулась, но руку не убрала.

— Отдайте, — она не просила, она требовала, сжимая пальцы на моей ладони крепче, чем нужно.

— Ты даже не знаешь, что это, — я разжал пальцы. — Номер? Шифр? Офелия любила прятать важное в мусоре.

— Брукс! — я постучал костяшками в переднюю стенку. — В объезд через Третью Магистральную. Нам нужно в Управление.

— Сэр, там же патрули Счётной, — отозвался сержант. — Фоглер перекрыл узлы. Говорят, на перекрёстках уже выставили блокираторы.

— Езжай, куда сказано. Если остановят — скажешь, что везёшь государственного преступника под мою ответственность. Лично коменданту в лапы.

— Преступника? — она подскочила на сиденье, кофр загремел. — Час назад я вам сферу чинила. Теперь что, в кандалы?

— В Ривенхольде это идёт комплектом, — я откинулся назад. — Фоглер теперь не слезет. Ты залезла в механизм, который по его плану должен был взлететь на воздух. Ему не нужны спасители, ему нужны виноватые.

Хотя в одном он прав: сфера давно должна была пройти ревизию. Последнюю по ней отмечали четыре года назад. Регламент — раз в два.

На повороте карету кинуло, и Аделин влетела мне в плечо. Я поймал её за локоть. Руку трясло, и трясло мелко, с частотой, которая не унимается сама.

— Почему вы помогаете? — она не отстранилась. — Это не входит в обязанности Смотрителя. В регламенте написано: изъять, опечатать, передать. Вы же сами говорили — Фоглер сожрёт вас за это.

— Лавка держит давление на пять кварталов вокруг. Вырежут её из сети — мой сектор ляжет. Мне это не нужно.

— Лжёте, — она криво улыбнулась. На губе у неё выступила капля крови: прикусила при тряске. — Вам нужны чертежи Офелии. Вы боитесь, что я найду их все раньше вас.

Я ничего не ответил, потому что отвечать было нечем: чертежи мне действительно были нужны, и нужны были раньше, чем ей, а объяснять, зачем они человеку, который двенадцать лет подписывает чужие бумаги и ни разу не попросил перевода, я не собирался ни ей, ни себе.

Карету снова подбросило. Копыта големов зацокали по камню гулче, чем минуту назад. Гулко они бьют по пустому, а под Третьей Магистральной коллектор.

Потом Брукс резко затормозил, и нас швырнуло вперёд.

— Сэр! — крикнул сержант. — Затор. Дорогу перерезали.

Я выглянул и сразу убрался назад.

Чёрная карета поперёк дороги. Двое с деструкторами. Длинные стволы, раструб на конце — ликвидаторская модель, такими режут перекрытия.

Стояли они с интервалом в четыре шага и в мёртвых зонах друг друга. Уличная банда так не встаёт.

Счётная палата. Додумать я не успел, они выстрелили.

— Ложись! — я рванул Аделин на пол, вжимая её в сиденье и накрывая собой.

Разряд прошёл над головой. Я кинул руку вверх, кольцо щёлкнуло, и ладонь обожгло холодом: щит работает так, выворачивает наизнанку.

— Дверь! Правую!

Аделин не спорила. Вывалилась наружу, задев меня кофром по ноге, я за ней.

Развернулся и дал в ответ. Камни из мостовой брызнули, эти двое отпрыгнули за свою карету. Кольцо после этого тянуло ещё на два срабатывания, не больше.

Бежим.

Брукс рванул с козел в сторону. Надеюсь, хватило ума не геройствовать.

Между складами было тесно, под ногами скользко. Аделин бежала рядом, прижимая кофр к себе, и хрипела. У меня тоже сводило горло.

— Сюда, — я нащупал кольцо на чугунной крышке технического люка.

Металл присох. Я упёрся сапогами в кирпичную кладку и рванул.

Крышка пошла с одного раза. Петли у неё были смазаны, а по ободу шёл свежий след от рычага.

Этим люком пользовались, и пользовались недавно.

Снизу потянуло тёплым и кислым.

Внизу было тихо. Решётка под ногами, внизу журчало. Фонари горели через один.

Аделин привалилась к стене и вытерла щеку рукавом, только размазала. Руки у неё ходили ходуном.

— Илар, — она коснулась моей руки. Пальцы были как лёд. — Та чешуйка... цифры 42108. Я видела их в схеме сферы. Это частота настройки всего узла. Офелия оставила её прямо на виду, на центральном валу.

— Сорок две тысячи сто восемь, — я повторил вслух.

Это же сумма долга лавки. Та же самая цифра, до единицы.

Офелия вписала частоту в городской реестр как сумму задолженности — и никто не заметил, потому что кто будет проверять, настоящий ли долг.

— Фоглер перекрыл шлюзы, — я посмотрел на манометр на стене тоннеля.

Стрелка дрожала у красной зоны и шла вверх ровно, без рывков. При аварии скачет. Это давление поднимали задвижками, вручную.

— Он хочет выдавить нас отсюда паром.

Сверху по люку ударили. Посыпались синие искры: режут крышку.

Тоннель заволокло гарью, горячей и кислой, и от неё сразу запершило в горле.

Аделин рванулась к пульту. Искры сыпались ей на спину, на сукно, и сукно занималось точками, а ей было плевать.

Она вытащила из кармана какую-то пластину и всадила в щель между шестернями. Металл вошёл со скрипом.

— Что ты делаешь?! — я рванул к ней.

— Перемыкаю контур! — крикнула она, налегая на рычаг. Сапоги скользили по решётке. — Если Офелия не врала в чертежах, сейчас давление уйдёт обратно в магистраль Счётной палаты! Пусть подавятся!

Она навалилась всем весом. Я встал рядом и обхватил её руки на рычаге. Мы надавили вместе.

Пульт заскрежетал. Манометры лопнули, я прикрылся рукой, и по тыльной стороне ладони резануло стеклом.

Трубы завывали, но пар не пошёл. Свистнуло из клапанов, где-то в глубине хлопнуло, и свет погас.

Стало тихо. Капало откуда-то, пахло горелой изоляцией и мокрым камнем, и мы оба дышали.

Я послушал, как капает. Капли шли редко и в одно место, значит, течь была старая.

— Кажется... сработало. — Аделин сползла по стене. — Но Бернард меня убьёт за эту деталь. Она из его локтевого шарнира.

Она полезла обратно к пульту, на ощупь. Я слышал, как она дёргает рычаг. Скрежет, ругань, потом щелчок.

— Вытащила, — сказала она снизу. — Без неё Берни не согнёт руку.

— Ты украла деталь из государственного оборудования Казначейства.

— Я её одолжила. У собственного робота.

Было темно. Я слышал, как она дышит в метре от меня, и чувствовал, как от мокрой решётки тянет холодом снизу, через подошвы.

Кольцо на руке остывало. Я подержал большой палец на блокираторе и досчитал до десяти: тепло уходило быстрее обычного. Одно срабатывание, и то не наверняка.

— Уходим туннелем. До Тупика два квартала. Надо успеть, пока они не подтянули людей. Вылезли через подвал. Под ногами хрустела штукатурка и стекло.

— Романтично, — выдохнула Аделин.

— Помолчи.

— Нет, правда. Свидание в коллекторе. Тётя бы оценила.

На улице никого. Трубы под ногами гудели неровно, с провалами.

Дверь лавки опять лежала на тротуаре, козырьком вверх. Я посмотрел на гвоздь, на котором она держалась утром. Гвоздь был на месте и не погнут.

Её не выбили. Её сняли и положили.

Аделин бросила кофр на прилавок.

Манометр на стене показывал ноль. Я постучал по стеклу: стрелка не дрогнула.

Давление не упало, пока нас не было. Его стравили.

Глава 9. Тариф «Вечность»

К утру Тупик затих. Илар ушёл ночью, сказал «в Управление, до утра» и исчез в тумане. Трубы гудели ровнее, чем вчера. Я обхватила стояк у прилавка пальцами и просчитала: провал шёл каждый девятый такт вместо каждого четвёртого.

Перемычка в коллекторе держала. Пока.

Дверь так и лежала на мостовой. В проём несло мазутом и холодом, и Тупик заглядывал ко мне в лавку, как к себе домой.

Я долго сидела на полу возле прилавка. Мне было страшно обычным дурацким страхом, как бывает, когда ложишься одна в пустом доме и понимаешь, что дверь не закрыта.

Я сидела и слушала. Ветер. Скрип. Что-то на улице — шаги? Нет, показалось.

Достала из кармана его зажигалку и сжала. Серебро холодное, ястреб на гравировке вписался в ладонь. Зачем взяла — сама не понимаю. Не отдала, и всё.

Разглядывала сапоги. У правого отошла подошва. Я подцепила её ногтем и оттянула: гвозди вышли вместе с куском кожи, дратва внутри перетёрлась начисто.

Их не чинить надо, их выбрасывать.

Пять лет столичного университета. Диплом. Чертежи в тубусе, прижатом к рёбрам. Чертежи, за которые здесь убивают, а я с ними сижу на полу, одна, без двери.

Не заметила, как уснула.

Проснулась от того, что на косяке забился вестник. Латунный молоточек лупил по медному диску, часто и зло.

В Ривенхольде такое значит одно из двух. Либо сектор идёт под снос. Либо тебе доставили что-то, за что отправитель заплатил головой.

Я встала и одёрнула сюртук. На пороге стоял почтальон: прорезиненный плащ, респиратор, за спиной тубусы.

— Вандерхольт?

— Да.

Он протянул коробку. Обмотана вощёной бечёвкой, сургуч чёрный. На сургуче шестерня с пятью лучами. Тёткина печать.

— Оплачено по тарифу «Вечность», — хрипнул почтальон.

«Вечность» оплачивают те, кто не собирается дожить до доставки. Такая страховка.

Почтальон шагнул назад, и туман его проглотил. Остались мокрые следы на камне.

Я отнесла коробку к прилавку. Бечёвку пилила гаечным ключом, руки тряслись, ключ два раза выскальзывал.

Внутри была промасленная стружка, а в ней латунный ключ с хитрой бородкой, тяжёлый. И записка. Тёткин почерк, кривой, крупный, торопливый:

«Аделин, если ты это читаешь, значит, за лавкой уже пришли, а ты ещё на свободе. Ключ подходит к нише за третьим стеллажом. Дому нужно сердце, иначе он задохнётся. С любовью, Офелия».

Я перечитала первую строку. Она не знала ни кто придёт, ни когда.

Она знала только, что придут и что я к этому времени буду здесь. И знала это за три года до того, как я сюда приехала.

Я разгребла стружку. На самом дне под ключом лежала медная пластинка. 42108.

Куда ни сунься — оно тут. В векселях было, в чертежах было, теперь из тёткиной могилы прилетело.

Я потёрла выбитые цифры, и палец обожгло. Я положила пластинку на прилавок и подождала минуту, потом тронула снова. Она была тёплой, теплее доски под ней.

Металл грел сам по себе.

Шаги на крыльце. Тяжёлые, неровные, и правая нога ставилась позже левой.

В проёме стоял Илар.

Он вошёл медленно, ноги ставил осторожно, и сразу привалился к косяку. Пальто нараспашку, по правому рукаву ползло тёмное и капало на пол.

Я нагнулась к полу. Капли ложились через шаг и были крупные, круглые, без хвоста. Так капает с руки, которую держат опущенной и неподвижной.

Он дошёл до кресла и упал в него. Кресло хрустнуло.

— Илар? — я сделала шаг к нему. — Что случилось?

Он поднял на меня глаза. Пустые.

— Ликвидаторы, — бросил он сухо. — У одного был деструктор старого образца. Рикошет.

Он попытался стянуть пальто, но рука подломилась, и он зашипел сквозь зубы.

Я подошла ближе.

— Баронесса, — произнёс он после паузы. Голос стал казённый. — Прошу прощения за беспокойство. Мне нужно было место, где нет лишних ушей.

— Сядьте ровно и замолчите, — оборвала я. — В моём доме командует хозяйка. А вы, кажется, пришли за бинтами, а не за допросом.

Я помогла ему стянуть пальто. Под ним была рубашка.

Я взяла ткань между пальцами и растёрла. Плетения не чувствовалось вовсе. Шёлк, и не тот, что продают на рынке в пятом секторе за три медяка ярд.

Такой я видела один раз, на витрине на Королевской, за стеклом в два пальца толщиной.

В таком по трущобам не ходят. А он ходил.

Илар заметил, что я щупаю рубашку, и сжал челюсть. Промолчал.

Я начала резать рукав. Рана была дрянь: деструктор не режет, он прожигает, и вокруг всё чёрное.

Я осмотрела края. Обугленный ободок шёл кольцом и с одной стороны был шире.

Ободок шире там, куда луч лёг вскользь. Пришёл он сверху и справа. Стрелок стоял выше него.

Притащила миску, воду и тёткину аптечку. Промывала аккуратно, но он всё равно дёргался.

Я не могла не смотреть на свои руки. Мазут, копоть, чёрные ногти — и всё это на его плече.

— Почему не в госпиталь? — спросила я, фиксируя повязку.

— В госпитале записывают имена, — прохрипел он. — А у Фоглера везде глаза. Раненый Смотритель — это повод для «реорганизации» сектора.

Я закончила повязку и не убрала руку. Ладонь лежала на его предплечье, и между кожей щёлкнуло.

Илар не отодвинулся.

Я считала его пульс, потому что держала пальцы там, где считают. Сто двенадцать. Через минуту девяносто четыре. Через две восемьдесят.

Он приходил в норму, пока я держала руку.

— Спасибо, — тихо сказал он.

Я поднялась и взяла ключ.

— Тётя прислала подарок, — я показала латунную рукоять. — Говорит, дому нужно сердце. Посидите тихо, Илар.

Ниша была за третьим стеллажом, под слоем пыли. Медная пластина, а в ней паз.

Я примерила ключ. Бородка села с первого раза, без люфта. Ключ делали под этот замок и делали одновременно с ним.

Он вошёл тяжело, механизм сопротивлялся. Я навалилась двумя руками и провернула до упора. Ржавчина хрустнула, и где-то глубоко внутри стены щёлкнуло.

Секунду ничего не происходило. Потом дом вздохнул.

В подвале загудело, по трубам покатила вибрация, из решёток пошёл тёплый сухой воздух.

Я посмотрела на манометр у прилавка. Стрелка снялась с нуля и пошла вверх, ровно, и встала на двухстах.

Ровно норма, с точностью до деления. Дом сам знал, сколько ему нужно.

Половицы под ногами стали тёплыми. Вибрация шла снизу, мягкая, и от неё перестали дрожать колени.

В стенах заворчал, на стеллажах звякнуло стекло.

Я обернулась на косяк. Багровая метка Счётной палаты бледнела на глазах и пропала.

Я тронула дерево там, где она была. Оно было холодным, как остальной косяк. Питание метка брала из городской сети, а лавка из этой сети только что вышла.

Обходной отвод мне срезали днём, я нашла обрубки, когда обходила фасад.

Запасного пути больше нет. Либо дом тянет сам, либо не тянет никто.

Третий день. Смотритель дал три дня на то, чтобы я начала гасить долг. Долг я не погасила. Я убрала причину.

Илар смотрел на меня из кресла. Просто сидел и смотрел устало.

— Ты это сделала, — сказал он удивлённо.

Я лишь кивнула, не в силах подобрать слова.

Я подошла к окну. Дождь и туман, Ривенхольд за стеклом расплылся.

На перекрёстке ещё горели фонари, но тускло. По стеклу ползла фиолетовая дрянь, та самая, от которой фонари гаснут, а люди кашляют. Местные называют её Скверной.

Я провела пальцем по стеклу изнутри. Дрянь была снаружи, а холод от неё шёл внутрь, и на пальце остался сухой налёт.

Она не оседала на стекло. Она его ела.

В конце тупика, под мёртвым газовым рожком, неподвижно стоял человек в высоком цилиндре.

В ладони у него что-то поблёскивало. Мелкое, с лапками, и эти лапки указывали на наши окна.

Похоже на мышь, но не Иларову. Та стальная, с рубиновыми глазками. Эта была золотая, и глаза у неё светились ровно, не мигая.

Иларова мигала в такт передаче. Эта не передавала. Эта писала.

Рука на плече. Я вздрогнула, потому что не слышала, как он подошёл.

— Они уже здесь, — прошептал он.

Человек тронул поля цилиндра и шагнул назад. Туман закрылся.

— Ищейки Гвардии. — Илар сжал моё плечо. — Нас начали отслеживать.

Глава 10. Магистратский покер

В Управление я попал только утром.

В вестибюле я по привычке достал свои часы. Настенные отставали на четыре минуты, как и вчера, и как в прошлом месяце. Их не подводили с зимы.

Тут вообще ничего не меняется годами: те же машинки, та же пневмопочта, те же подошвы шаркают по мрамору. В дежурке я повесил пальто на крюк и натянул китель, жёсткий, казённый.

На доске у входа висел суточный лист нарядов. Я прошёл его глазами сверху вниз. Четвёртый сектор стоял пустым: ни одного патруля за ночь.

Кордон, который я выставил вокруг лавки позавчера, в листе не значился. Его сняли, и сняли не моим приказом.

— Кто снимал наряд по четвёртому? — спросил я дежурного.

— Наряд не снимали, господин Смотритель. — В журнал он при этом не заглянул. — Его не ставили.

— Позавчера ставили. Я.

— В листе этого нет, — сказал он и стал смотреть мимо меня, в конец коридора.

Плечо ныло. Я оттянул воротник. Бинт потемнел от середины наружу, кольцом в два пальца. За ночь пропитало насквозь.

Шёлк лип к ране.

Я согнул руку до предела и разогнул. Локоть шёл, плечо не поднималось выше уровня груди.

Стрелять с правой я мог. Держать что-то тяжёлое над головой — нет.

А в голове была не рана. Её пальцы, холодные, чёрные от мазута. Когда она перевязывала, я об этом не думал.

В холле третьего этажа стоял Гилберт. Старик служил тут ещё при моём предшественнике и знал в этом здании каждую щель.

— Доброго утра, господин Смотритель. — Гилберт замер, прижимая к груди стопку папок.

Он скользнул взглядом по моему лицу, задержался на воротнике кителя, который я застегнул почти до удушья, и склонил голову ниже обычного. На пару дюймов.

В табели о рангах Ривенхольда эти два дюйма измеряются милями.

— Рад видеть вас в добром здравии. Мы... мы слышали о ночном происшествии в доках. Говорят, Скверна там совсем озверела. Ваше...

Он осёкся. Кадык у него дёрнулся.

— Моё что, Гилберт? — я остановился.

За спиной кто-то притормозил. За дверями кабинетов стало тихо.

— Ваше усердие, — быстро выдохнул старик, пятась к стене. — Ваше легендарное усердие — пример для всех нас. Прошу прощения, Регистратор Фоглер просил доложить о вашем прибытии немедленно. Сразу же, как только ваши сапоги коснутся мрамора.

Я проводил его взглядом.

О доках он знал к девяти утра. Рапорт я не подавал, Брукс ушёл дворами, а свидетелей мы оставили на мостовой.

Значит, доложил кто-то из тех, кто в меня стрелял.

У Фоглера в кабинете можно с пола есть. Схемы магистралей на стенах, портреты основателей, всё ровно.

Он сидел за столом и постукивал пальцами. Стучал ровно, не сбиваясь и не останавливаясь.

— Илар, — он даже головы не поднял. — Вы живы. Какая досада. Или радость — зависит от точки зрения. В порту два трупа. Лиц нет — эфирный ожог постарался. Только лоскуты от мундиров «Медных крыс». Объясните мне, каким образом Смотритель четвёртого сектора оказался в центре несанкционированной перестрелки в три часа ночи?

Я сел напротив, не спрашивая. Бинт под кителем набухал.

На краю его стола лежала папка с описью изъятого по порту. Я прочитал корешок вверх ногами: дата составления — вчерашняя, время — двадцать три сорок.

Перестрелка была в три ночи. Опись завели за три часа до неё.

Про «Медных крыс» он сказал сам, до меня. Я в рапорте их не называл, потому что рапорта не было.

— Профилактический рейд, Регистратор. Мои осведомители сообщили о готовящемся саботаже на основной магистрали. Я решил проверить информацию лично, чтобы не поднимать шум раньше времени. Как видите, информация подтвердилась. Саботажники ликвидированы. Город спит спокойно.

— И при этом вы не подали рапорт о выезде. Не взяли сопровождение. Не известили Канцелярию.

— В этом секторе сопровождение — это лишние свидетели, которых потом приходится покупать или убирать, — я выдержал его взгляд. — Вы же сами учили меня, Фоглер: тишина — залог стабильности. Чем меньше людей знает, насколько близок был сбой системы, тем крепче спит Казначейство.

Фоглер встал, подошёл к стенду и сдёрнул штору.

Карта Ривенхольда, только такой карты я раньше не видел. На той, что висит в общем зале, Скверна — аккуратные голубые пятна на окраинах.

Здесь весь город был залит фиолетовым. Секторы, центральные кварталы, набережная. Скверна дошла до Магистрата. До этого здания.

Я проверил дату в углу. Карту чертили позавчера. А в отчётах мы пишем пять процентов.

— Сезонное, говорим мы. — Фоглер ткнул стеклом в карту. — Лёгкое недомогание. А Скверна тем временем жрёт город изнутри. Узлы сети забиты осадком, растворители бесильны. Лавка в вашем тупике — одна из последних точек, где можно сравить давление руками, не разнеся при этом квартал.

У меня свело челюсть.

— Сорок процентов. — Фоглер опустил стек. — Считайте со мной, Илар. Полная очистка сектора растворителями — четыре месяца и восемь тысяч единиц в сутки. Их нет. Выжиг — одна ночь и полтора десятка стариков, которые не успели заклеить окна. Я подписываю выжиг и сплю.

Он снял очки и протёр их платком. Без очков лицо у него стало старым.

— Вы в моём возрасте будете считать то же самое. Разница между нами только в том, что вы пока считаете вслух и с отвращением.

Ответить мне было нечем. Я перебрал в голове варианты и не нашёл ни одного, где число выходит меньше.

Никаких долгов. Наследство, векселя, судебные приставы — шелуха. Офелия строила сеть, сеть держала город, сеть накрылась.

— Лавка теперь в безопасности, — сказал я как можно официальнее. — Наследница оказалась... технически подкованной.

— Наследница — девчонка, у которой амбиций больше, чем мозгов. — Фоглер повернулся ко мне. Очки бликнули. — Почему она не в камере? Почему вы прикрываете эту дыру, а не конфискуете чертежи?

— Лавка — не склад, Регистратор. Это узел сети. Вы вчера попробовали её снести — и получили резонансный провал по всему четвёртому сектору. Вандерхольт не просто заперлась

внутри. Она запустила автономный контур. Ключ активации сработал. Тронете её сейчас — Скверна хлынет в пятый сектор за час. Вы лично пойдёте объяснять Совету, почему у вельмож на Верхней набережной из стен полезла фиолетовая гниль?

Регистратор замер.

— Автономный контур? У лавки нет своего генератора на планах.

— Теперь есть, — сказал я.

Блеф. Я понятия не имел, как работает «Сердце». Но пол был тёплый, и тёплый он был в дальнем углу, над подвалом. Хватило.

— Я дал ей три дня на то, чтобы точка перестала висеть на сети. Срок вышел сегодня. Точка не висит. Она единственная, кто может удержать сектор. Даю ей статус консультанта Магистрата — без права ареста, собственность остаётся за ней, но техконтроль наш полный.

Фоглер помолчал. Когда заговорил, стало хуже, чем если бы он кричал.

— Шею подставляете. Из-за узла? Или из-за девчонки. Хорошо, пусть будет консультант. Но отвечаете вы лично. Двадцать четыре часа. Если лампа мигнёт, если стрелка дёрнется на четверть деления — вы оба идёте вниз. В коллекторы. Я не пугаю.

— Договорились.

Я встал.

— И ещё, Илар. — Фоглер посмотрел на мой китель. — Переоденьтесь. От вас пахнет не только гарью и дешёвым мазутом. От вас пахнет старой лавандой и... чем-то живым. В нашем Управлении это признак плохой дисциплины.

Я вышел.

Китель я надел свежий утром, из своего шкафа. В лавке он висел на вешалке у входа четверть часа, не больше.

Столько времени, чтобы взять запах, ткани мало.

Я поднёс обшлаг к лицу уже в коридоре и подержал. Гарь была, мазут был. Лаванды не было.

Фоглер не нюхал. Ему доложили, и доложили тот, кто заходил в лавку и знает, чем она пахнет.

В коридоре ждал Гилберт. На этот раз с конвертом. Жёлтая плотная бумага, обратного адреса нет.

— Это пришло с утренней пневмопочтой. Из Столицы. С пометкой «Лично в руки. Вне очереди».

Белый сургуч, гладкий. Такой стоит денег.

Я надавил на него ногтем. Не продавился: остыл давно, не меньше суток назад.

Пневмопочта от Столицы идёт четверо суток. Этот конверт запечатали вчера.

Печать не канцелярская. Закрытый глаз, вырезан грубо. Эту печать я знаю, и знают её немногие.

Я запер кабинет на засов и сорвал сургуч.

Внутри был один лист. Почерк я узнал сразу. Этот человек учил меня стрелять. И врать.

«Ястреб сел в гнездо. Гнездо заминировано. Гвардия идёт собирать урожай. Им нужен тот, кто читает чертежи. Вспомни 42108: это предел прочности. Уходи, пока ворота не закрыли».

Я посмотрел бумагу на просвет. Водяной знак был столичный, а линии сгиба шли поперёк, в три раза, под узкий тубус.

По сгибам бумага вылохматилась и пахла кожей.

Такое передают с рук на руки, а в почту кладут уже на месте.

Значит, он не в Столице. Он здесь.

Я скомкал лист, потянулся к зажигалке и не стал. Расправил и убрал в карман.

«Уходи». Куда? В Ривенхольде не прячутся от Гвардии.

В коридоре стукнула дверь, и кто-то прошёл мимо, не сбавив шага. Я дождался, пока стихнет.

Потом в трубе пневмопочты хлопнуло, и капсула упала в приёмный лоток у стены.

Я вскрыл её. Внутри был бланк наряда на четвёртый сектор, задним числом, за вчера, с моей фамилией в графе «распорядился» и чужой закорючкой вместо подписи.

Кордон не сняли. Кордон переписали так, будто я сам его и не ставил.

Мышь лежала в ящике стола. Я достал её и повертел. Холодная, тихая.

От неё ещё держался запах того подвала: горячая медь и что-то горькое, травяное.

Я провёл её вдоль стены, где идёт силовая шина, и поднёс к оконной раме. Ни там, ни там она не отозвалась.

Раньше она реагировала на любой фон. Из лавки она вернулась молчащей.

Я открыл фрамугу. С улицы потянуло холодом и той самой гнилой медью, от которой к вечеру начинает ломить в висках.

Внизу работали уборщики: серые роботы, вёдра, щётки. Скребли Скверну с мостовой, поливали химией, Скверна не отходила. Они скребли снова.

Я стоял и считал их проходы. Одно и то же место они прошли трижды, и после третьего раза фиолетовое на камне держалось так же ровно, как до первого.

Щётками её не берут. Её берут изнутри сети, а внутрь сети никто из них не лезет.

Я думал не о городе.

Она думает, что лавка — это шанс. Она не понимает, что я только что нарисовал на ней мишень. Статус консультанта — это ошейник на двоих.

Я достал из шкафа казённую рубашку. Шёлковую стянул и осмотрел: бурые пятна, рукав разрезан.

Повязку она сделала тугую, витками внахлест, и узел вывела на внешнюю сторону, чтобы не давил. Так вяжут те, кого учили.

Рубашка пахла гарью из коллектора и её мазью, травяной и резкой.

Надо назад. Город скоро закроют, и её надо к этому подготовить. Всей правды я ей не скажу, потому что не могу.

Я обнаружил, что стою с этой рубашкой в руках дольше, чем нужно, чтобы решить, годится она в стирку.

Свернул и убрал в шкаф.

Я проверил револьвер. Шесть в барабане, два запасных в кармане кителя.

Я прокрутил барабан на слух. Ход был вязкий, с задиром на третьем гнезде: после вчерашней воды в коллекторе смазка взялась. Чистить было некогда.

Значит, рассчитывать стоило на пять выстрелов.

42108. Предел прочности.

Я накинул китель и вышел.

Глава 11. Дом, который умеет ждать

После ухода Илара силы у меня кончились, и я опять уснула.

Раньше просыпаться здесь было врагу не пожелаешь: холод, сырость, иней на рамах. Дышишь и видишь собственный пар.

Сейчас я открыла глаза и с минуту не понимала, где нахожусь. Пара не было. Сухо.

Я прошлась пальцами по раме изнутри. Сухая. Вчера с неё текло.

Спустила ноги, и вместо ледяной доски под пальцами оказалось тёплое дерево, чуть вибрирующее. Сердце работало всю ночь и выдавливало из стен десятилетнюю сырость.

За окном был Ривенхольд: серость, конденсат, всё как всегда. Только мне впервые было всё равно.

Тёткины стены. Мои теперь. Странное слово — «мои». Раньше у меня ничего своего не было, кроме тубуса и рваного сапога.

— Ну надо же, — пробормотала я. — Ты всё-таки решил проснуться, старик.

Стёкла звякнули, и я дёрнулась. Потом приложила пальцы к раме и поймала такт: вибрация шла снизу, из подвала, ровно.

Дом. Просто дом.

Я выдохнула и тут увидела ставни. Закрыты. Все.

Я их не закрывала. Я подошла и подёрнула ближнюю: щеколда стояла изнутри и была задвинута до упора, а краска на ней облупилась свежим сколом.

Берни.

Снизу донёсся грохот. Бернارد откопал где-то метлу, кривую и лысую, и подметал. То есть поднимал пыль столбом и скрёб клешнёй по камню.

— Берни, прекрати, — я отобрала у него метлу. — Ты не убираешься, ты только взбалтываешь пыль в пространстве.

Бернارد замер. Линзы мигнули, щёлкнули, навелись на меня.

А потом он протянул целую руку и поправил мне воротник. Аккуратно, словно боялся порвать ткань клешнёй.

Я стояла и не шевелилась. Он раньше так не делал.

— Завтрак? — проскрежетал он.

— Если у тебя в заначке есть пара яиц и фунт бекона, то я официально назову тебя лучшим мужчиной в этом городе, — вздохнула я.

Берни махнул клешнёй в сторону кухни. На плите стояла жестяная кружка, из неё шёл пар.

Я хлебнула, и в глазах зашипало. Горько, горячо, язык немеет.

— Спасибо, Берни. Очень... бодрит.

Если этим полить Скверну, она бы отступила сама.

Я поставила кружку и обернулась к плите. Конфорка горела без подачи, ровным венцом, и венец был полный, без провалов.

Вчера он держался на две трети. За ночь контур добрал ещё.

Дом грелся, а я наконец добралась до того, что откладывала со вчера. Пластика. 42108.

Тётка в записке упоминала нишу. Я взяла фонарь и полезла в подвал.

Подвал изменился сильнее всего. Вчера тут была свалка ржавья. Сегодня по стенам светились медные трубки, янтарные.

Я прошла вдоль магистрали, приложив ладонь к трубе через каждые три шага. Свиста не было нигде. Вчера он шёл на каждом втором стыке.

Я дошла до конца, туда, где за штабелями пустых ящиков стена казалась слишком ровной.

Если верить чертежам, тут проходил фальш-косяк. Я провела рукой по камням: холодные, гладкие, швы затёрты вровень.

Затирать швы вровень в подвале незачем. Так делают, когда хотят, чтобы кладку не читали пальцами.

Я достала пластинку и повела вдоль кладки. На высоте плеча металл отозвался вибрацией и прилип к одному из камней. Камень со скрежетом ушёл внутрь.

Стена поехала, еле сдвинулась. За ней был узкий проход, такой низкий, что я макушкой задела притолоку.

Внутри оказалось не темно. Весь потолок был в кристаллах фосфорита, и они светились ровным голубым. Фонарь я убрала.

Жильё и мастерская в одной комнате. В углу свёрнутое одеяло, на краю стола кружка с чем-то присохшим. Тётка тут и жила.

Посередине на столе стояла сфера. Внутри медленно крутились золотистые шестерни, не касаясь друг друга.

Я обошла её кругом и присела. Осей не было. Ни одной. Шестерни висели в воздухе и держали зазор сами.

Я насчитала девять. Столько же вводов было у той, что в Казначействе.

Вокруг были навалены записи, чертежи, обрывки расчётов.

Я коснулась верхнего листка. Бумага была сухой и ломкой.

«День 42. Резонанс стабилен. Но Ривенхольд не хочет работать по правилам. Он хочет заклинить. Фоглер считает, что порядок — это отсутствие движения. Глупец. Порядок — это резонанс».

Бумага была тонкая, папиросная, и страницы прилипали одна к другой. От тетради шёл тот же горький дух полыни: она и тут её пересыпала.

Я листала тёткин дневник. Сначала бегло, затем медленнее, и в итоге совсем остановилась.

Чужие механизмы Офелия чинила между делом, для отвода глаз. Настоящая работа была другая: она строила систему самоочистки, чтобы город сам перерабатывал свою Скверну, без бригад и без Магистрата.

Число 42108 попадалось на каждой странице: в формулах, в таблицах, нацарапано карандашом поперёк текста. В подвале было тепло и сухо, и от этого тепла тетрадь пахла сильнее: полынь, старый клей, чуть кисло от чернил.

Я пролистала до последних записей и посмотрела на даты. Запись «день 42» стояла двадцать лет назад. Последняя — за неделю до её смерти, и почерк в ней был тот же, твёрдый.

Она работала до конца.

На последних страницах карандаш продавливал бумагу насквозь, до следующего листа. Так жмут, когда пишут на коленке и торопятся.

А я всё это время думала, что 42108 — тёткин долг. Вексель, задолженность.

Оказалось — частота. Коэффициент, при котором застой можно развернуть обратно в рабочую энергию.

— Значит, ты не воровка, тётя, — прошептала я. — Ты была алхимиком этого города.

Я просидела в подвале часа три. Может, четыре.

Очнулась от стука наверху. Тяжёлый, ритмичный, три удара с одинаковым интервалом.

Илар.

Я поднялась и отряхнула колени от мазута. В лавке было темно: я так и не зажгла верхний свет, хватало того, что давало Сердце.

Илар стоял в дверях, привалившись к косяку. Китель свежий, а лицо хуже вчерашнего.

— Вы не вовремя, — сказала я. — У консультантов есть приёмные часы.

— Оставь, Аделин, — он отстранил меня рукой и вошёл, тяжело опустившись в кресло. — Фоглер подписал бумаги. Ты теперь официально числишься в штате Магистрата. Поздравляю.

Он бросил на прилавок конверт с гербовой печатью.

— Это должно меня радовать? — я скрестила руки. — Теперь я под надзором двадцать четыре часа в сутки?

— Теперь ты жива, — отрезал он. — И лавка не пойдёт под снос завтра утром. Но есть условие. Я остаюсь здесь.

Я поперхнулась воздухом.

— В смысле «здесь»? В этом доме?

— Надзор. Круглосуточный, — он потёр лицо ладонью. — Такая цена. Фоглер хочет, чтобы я лично следил за каждой искрой в этом доме.

Я взяла конверт и вскрыла его. Гербовая бумага, три подписи, и в графе «срок» стоял прочерк.

Дату туда не впишут. Эта бумага не кончится сама.

— Вы ранены, — сказала я тише. — Вам нужно лежать, а не играть в надзирателя.

— Я буду ночевать здесь, — он закрыл глаза. Сказано это было как о решённом. — В Магистрате сейчас хуже, чем у «крыс» в притоне. Гвардия на подходе, Аделин. И чертежи — не главное, что они ищут.

Я налила големовского кофе в медную чашку.

— Пейте, — я протянула ему чашку. — Бернارد варил. Либо после этого вам ничего уже не страшно, либо вам конец.

Илар открыл глаза и взял чашку. Наши пальцы столкнулись, и щёлкнуло. Коротко, но мы оба дёрнулись.

Он сделал глоток и закашлялся.

— Боги... что это? Тормозная жидкость?

— Посвящение в тайны лавки, — я присела на край прилавка напротив него.

В лавке было темно, только Сердце подсвечивало снизу.

Берни стоял в углу и не шевелился, но окуляры у него горели, и повёрнут он был точно в нашу сторону.

Я пригляделась к его окулярам. Они пульсировали ровно, с той же частотой, что пол под ногами.

Он не стоял. Он писал.

— Расскажите мне про 42108, — попросила я. — Вы ведь знаете больше.

Илар молчал, глядя в чашку. Потом заговорил.

— В Канцелярии это называют «Предел прочности». Значение, после которого город должен пойти вразнос. Самоликвидация. Но ваша тётка думала по-другому. Она считала, что 42108 — это точка настройки. Там, где механика и живое совпадают. По меркам Канцелярии — ересь. По меркам инженера — либо открытие, либо взрыв.

— Вы боитесь её наследия? — спросила я.

— Я боюсь того, что сделают люди, когда получат над ним власть. — Илар поставил чашку на стол. — Фоглер хочет порядка. Инквизиция хочет чистоты и выжигает всё, что в эту чистоту не укладывается. А я хочу, чтобы вы не сгорели между ними, Аделин.

— Почему? — вопрос сорвался раньше, чем я успела его обдумать. — Какое вам дело до механика из Тупика Медных Игл?

Илар встал и подошёл близко. Он поднял руку и заправил мне прядь за ухо. Пальцы у него были холодные.

— Дом тебя слушается. Мне этого достаточно.

Он отстранился раньше, чем я успела ответить.

— Я займу комнату на втором этаже. Которая с окном на тупик. Постарайся не перегрузить Сердце до рассвета, консультант Вандерхольт.

Он ушёл наверх. Лестница скрипела: ступенька, ступенька, ступенька.

Я посмотрела на Бернарда.

— Ну что, Берни? Похоже, у нас жилец.

Голем мигнул глазами и начал ритмично хлопать клешней по боку, изображая аплодисменты.

— Остроумно, — буркнула я.

Я подобрала его чашку. На дне была чёрная гуща. Вылила.

Чашка осталась тёплой дольше, чем положено меди. Я поставила её на доску и через минуту тронула снова: всё ещё тёплая.

Дом грел даже её.

Наверху скрипели половицы: Смотритель ходил по комнате. Впервые за долгое время в лавке был кто-то кроме меня и Берни.

Снаружи лязгнуло. Я дёрнулась к окну.

В конце тупика, у мёртвого газового рожка, стояла тень. Пока я моргала, тупик опустел.

Я вышла на крыльцо и осмотрела брусчатку у рожка. Камень был сухой на пятно шириной в шаг, а вокруг мокрый.

Там кто-то стоял, и стоял долго.

Глава 12. Контракт на доверие

Ночь. Первая в лавке.

После казённой квартиры, где по ночам мёртвая тишина, это было другое. Лавка работала. Эфир шёл в трубах, потрескивало, дышал котёл.

Я лежал и слушал, и в какой-то момент начал считать провалы. Один на двенадцать тактов. В коллекторе вчера был один на девять.

За ночь перемишка выправилась сама. Такого не бывает у мёртвого железа.

Долго не мог уснуть.

Проснулся от тишины. Потом понял: город ещё не разогнался.

Первый пар из фабричных труб, скрежет за стеной. Рассвет.

Плечо ныло, но терпимо. Я поднял руку до уровня плеча и удержал на счёт до пяти. Вчера не держалась и на два.

Сел, осмотрел комнату. На уюте Офелия сэкономила: железная койка, сетка вмятая, шкаф с разбухшими дверцами.

Стол был изрезан и заляпан воском. Я провёл пальцем по бороздам. Следы от циркуля шли парами, и между ними везде было одинаковое расстояние, в полтора дюйма.

Она чертила на этом столе годами и всё время один и тот же радиус.

На подоконнике стояла чашка. Жестяная, с вмятиной, олово потемнело.

Последний раз я пил из жестяной посуды в корпусе, до того как отец... Нет.

Я поставил чашку обратно.

На стуле лежал китель, поверх него конверт. Белый сургуч, закрытый глаз. Я его вчера не сжёг.

Я тронул регулятор — тёмное серебро, тонкий обруч на запястье. Тишина. Фон ровный.

Я прошёл с ним по комнате от стены до стены. Он не дёрнулся ни разу, а в Управлении дёргается у каждого второго косяка.

Девчонка с рваным сапогом, без бригады и без единого медяка, починила то, от чего магистратские техники шарахались годами.

Снизу донёсся скрежет металла. Бернард снова вступил в конфликт с железками. Голем вёл себя так, будто ему дали должность коменданта и он принял её всерьёз.

Я спустился. Плечо дёргалось на каждой ступеньке.

Она была внизу, стояла над чертежами, согнувшись, нос в бумагу. Волосы в узел, из узла во все стороны пряди, серые от графита.

На столе рядом стояла кружка. Я тронул её тыльной стороной пальца, проходя мимо: холодная, и на дне засохло.

Она налила её ночью и не выпила.

Но руки двигались быстро и уверенно. Нашла что-то ночью и теперь не отпускала.

Услышала шаги и не обернулась. Выпрямилась, прикрыла чертёж ладонью. Привычка.

Свет от лампы лёг ей на шею и ключицы, сюртук сполз с плеча. Я отвёл глаза. Не сразу.

— Вы рано, Смотритель, — сказала она, глядя в окно. — Я думала, после кофе Бернарда люди приходят в себя дня три.

— У нас в ведомстве спать не принято, баронесса, — я подошёл к столу. Не слишком близко. — Тем более когда на столе лежит бумага, по которой завтра эту лавку могут забрать. Изъятие за долги — тут дело быстрое, механика отлажена.

Папку я положил на прилавок. Жёлтая магистратская бумага, плотная.

Аделин открыла её. Глаза побежали по строчкам, быстро и цепко.

Преамбулы она пропускала, условия и санкции читала. На пункте про конфискацию оборудования при сбое Сердца брови у неё съехались к переносице, и она вернулась на строку выше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.